

ВОРОНЕЖСКІЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

выходить два раза въ мѣсяць— 1 и 15-го чис. Подписка принимается въ редакціи Епарх. Вѣдомостей при духов. семинаріи въ Воронежѣ.

1869 г.
№ 5.
1-ГО МАРТА.

Цѣна годовому изданію сихъ вѣдомостей—безъ доставки и пересылки четыре рубля, а съ доставкою и пересылкою пять рублей.

— **Содержаніе.** — *Отд. оффиціальныи:* — По духовному вѣдомству. — Указы Св. Синода. — По духовно-учебному вѣдомству. — Извлеченіе изъ журналовъ учебнаго комитета. (Прод.) Отношенія г. товарища оберъ-прокурора Св. Синода. *Отд. неоффиціальныи:* I. Слобода Грушевка Бирюч. уѣзда. II. Сельскіе приходскіе школы и отношеніе къ нимъ сельскихъ властей. III. Извѣстіе.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫИ.

По духовному вѣдомству.

Указы Св. Синода.

По Высочайшему повелѣнію.

О размѣрѣ прогонныхъ денегъ протоіереемъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе господина синодальнаго оберъ-прокурора, отъ 13 декабря 1868 г. за № 13,522, о томъ, что

Его Императорское Величество Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, господина оберъ-прокурора, въ 10 день декабря 1868 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: протоіереямъ всѣхъ вообще епархій, при разъѣздахъ, назначать прогонныя деньги на три лошади, исключая протоіереевъ присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, коимъ прогоны назначать по прежнему на десять лошадей. Справка: Святѣйшій Синодъ, имѣя въ виду, что по штатамъ Высочайше утвержденнымъ 27 декабря 1867 года, раздѣленіе епархій на классы отмѣнено и принимая въ соображеніе, что на основаніи ст. 480 т. III уст. о службѣ прав. (изд. 1857 г.) при отпращиваніи къ должностямъ прогонныя деньги исчисляются не по мѣсту, на какое кто опредѣленъ, а по чинамъ и класснымъ званіямъ, въ коихъ каждый дѣйствительно состоитъ, опредѣленіемъ отъ 1 (16) ноября 1868 года предоставилъ господину синодальному оберъ-прокурору испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе чтобы протоіереямъ всѣхъ вообще епархій, при разъѣздахъ назначать прогонныя деньги на три лошади, исключая присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, коимъ прогоны назначать по прежнему на 10 лошадей. Приаазали: о Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи, изъясненномъ въ настоящемъ предложеніи, дать знать по духовному вѣдомству для руководства печатными указами. Декабря 31 дня 1868 г. № 81-мъ. «На подлинномъ указѣ резолюція Его Преосвященства, преосвященнаго Серафима епископа Воронежскаго и Задонскаго и кавалера 24 января 1869 года послѣдо-

вала такова: въ консисторію для руководства въ потребныхъ случаяхъ; сообщить о семъ и семинарскому правленію.

О своевременной высылкѣ учрежденіями духовнаго вѣдомства въ духовно-учебныя заведенія подлежащихъ суммъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе господина синодальнаго оберъ-прокурора, отъ 22 ноября 1868 г. за № 12,824, о несвоевременности высылки мѣстными учрежденіями духовнаго вѣдомства въ подлежащія духовно-учебныя заведенія, назначенныхъ Святѣйшимъ Синодомъ въ эти заведенія, суммъ изъ свѣчныхъ и прочихъ доходовъ другихъ епархій. Приказали: въ виду встрѣчаемыхъ со стороны семинарскихъ правленій затрудненій въ содержаніи семинарій и духовныхъ училищъ, за несвоевременною высылкою подлежащими духовными консисторіями безъ уважительныхъ къ тому причинъ тѣхъ суммъ, которыя назначены Святѣйшимъ Синодомъ на изъясненный предметъ изъ свѣчнаго и прочихъ доходовъ другихъ епархій, гдѣ, за покрытіемъ потребностей мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, образуется избытокъ сего дохода, — Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію хозяйственнаго управленія, опредѣляетъ: предписать епархіальнымъ преосвященнымъ указами сдѣлать зависящее распоряженіе по консисторіямъ и духовно-учебнымъ заведеніямъ ввѣренныхъ имъ епархій, чтобы они безотлагательно высылали подлежащія суммы согласно смѣтному исчисленію и

назначенію центрального управленія; а въ случаѣ недостатка суммы по какимъ либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, входили съ представленіями о дополнительномъ назначеніи, не задерживая ни въ какомъ случаѣ назначенія, даннаго доходамъ; расходовъ же безъ разрѣшенія не допускали. Января 13 дня 1869 г. № 1. На подлинномъ резолюція Его Преосвященства послѣдовала 31 января 1869 года. «Въ консисторію—къ должному исполненію; копію съ сего указа для свѣдѣнія сообщить и правленію семинаріи.»

По духовно-учебному вѣдомству.

ИЗВЛЧЕНІЕ

ИЗЪ ЖУРНАЛОВЪ УЧЕБНАГО КОМИТЕТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ СЪ ОТЗЫВАМИ ОБЪ УЧЕБНИКАХЪ И УЧЕБНЫХЪ ПОСОВІЯХЪ, ПРИЗНАВАЕМЫХЪ ПОЛЕЗНЫМИ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ ВЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ И УЧИЛИЩАХЪ.

(Продолженіе).

5. По исторіи Русской Словесности.

Преподаваніе исторіи Словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ послѣднее время подвергалось довольно сильному колебанію. Прѣжнее краткое систематическое изложеніе ея ограничивалось большею частію перечисленіемъ всѣхъ, по возможности, писателей и важнѣйшихъ ихъ сочиненій, безъ особенно обстоятельнаго изученія представителей главныхъ эпохъ въ ея развитіи. Если же при этомъ довольствовались только приговорами учебника о значеніи писателя и ученики сами лично не

изучали его произведеній, но крайней мѣрѣ наиболее выдающихся изъ разряда обыкновенныхъ, въ такомъ случаѣ исторія Словесности дѣйствительно не достигала своей цѣли—разъясненія, какъ выразился духъ народный въ словесномъ искусствѣ въ послѣдовательномъ своемъ развитіи; ибо такое ученіе ограничивалось преимущественно внѣшнею стороною, второстепенными знаніями въ исторіи Словесности, которая походила болѣе на рядъ біографій съ бібліографическими замѣтками. Таковы были учебники: *Греча* и въ недавнее время *Зеленецкаго*. Для избѣжанія этого недостатка—сухости и поверхностности изложенія, признали за лучшее не проходить всей исторіи Словесности, а ограничить ее изученіе нѣсколькими сочиненіями важнѣйшихъ ее представителей и избранныя сочиненія рассмотреть во всѣхъ отношеніяхъ. Это новое направленіе имѣетъ огромное преимущество предъ прежнимъ въ томъ, что разъясняетъ ученику значеніе прочитаннаго и разносторонне разобраннаго въ классѣ сочиненія какой либо эпохи, но при этомъ можетъ остаться неуловимою связь и преемственность идей и идеаловъ, способовъ изложенія и выраженія въ словесныхъ произведеніяхъ разныхъ временъ, что въ исторіи Словесности также должно имѣть свое и притомъ самое видное мѣсто. Изъ слѣдующихъ трехъ сочиненій по исторіи Словесности только трудъ г. Петрова принадлежитъ къ первому направленію.

1) «*Курсъ истории Литературы (862—1862) съ бібліографическими указаніями*» К. Петрова (Спб. 1867 г. стр. 186 XIII) обнимаетъ всю исторію Русской Словесности на незначительномъ числѣ страницъ.

Самую лучшую черту въ этомъ учебникѣ представляетъ отдѣленіе народной словесности отъ книжной, проведенное по всему древнему періоду исторіи до XVIII в. На это прежде не обращали почти никакого вниманія и отдѣлъ народного творчества не получалъ должнаго себѣ разъясненія въ исторіи Словести; да и у г. Петрова онъ представленъ лишь въ общихъ чертахъ въ указаніяхъ на тѣ или иныя народныя произведенія безъ разбора болѣе характеристичехъ изъ нихъ, какъ и отдѣлъ книжный. Въ послѣднемъ отдѣлѣ только у Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова и Гоголя указаны идеи нѣкоторыхъ ихъ произведеній и характеры лицъ. Эта общность приговоровъ не подкрѣпленныхъ доказательствами сильно вредитъ основательности и убѣдительности изложенія и для учебника вовсе не годится; ибо можетъ пріучить ученика къ поверхностному взгляду на дѣло даже и въ томъ случаѣ, если бы не сопровождалась не совсѣмъ вѣрными сужденіями о характерѣ писателей. Но отзывы г. Петрова особенно о нѣкоторыхъ произведеніяхъ А. Пушкина и Крылова, *не безукоризненны*. Стр. 101 наприм. говоритъ: «Другая эпоха, къ которой любилъ обращаться Пушкинъ, была эпоха Петра Великаго. Сюда относятся поэмы *Полтава* и повѣсти *Мѣднѣй всадникъ* и *Арапъ Петра Великаго*. Достоинство двухъ первыхъ заключается преимущественно въ пластичности и сжатости слога и въ прекрасныхъ описаніяхъ, но въ развитіи идеи тоже много противорѣчій.» Здѣсь 1) приговоръ главнымъ образомъ основанъ на слогѣ, тогда какъ о слогѣ рѣчь должна быть послѣднею; 2) слогу придана пластичность; но при оцѣнкѣ художе-

ственныхъ произведеній пластичность признаютъ не въ слогѣ, а въ способѣ изображенія предмета, представляемаго въ очертаніяхъ вполне оконченныхъ, рѣзко выдающихся, выпуклыхъ и полныхъ жизненныхъ свойствъ какъ въ пластикѣ фигуры; 3) словами: «въ прекрасныхъ описаніяхъ» ровно ничего не сказано въ отвѣтъ на неизбѣжный вопросъ: въ описаніяхъ чего же? 4) не указаны ни идея, ни образы, ни событія, въ которыхъ идея воплощена поэтомъ, и потому 5) болѣе нежели странно было бы слышать отъ усердно выучившаго это мѣсто ученика, что *въ развитіи идеи* у лучшаго нашего поэта *много противорѣчій*, которыя между тѣмъ не указаны. На стр. 100 отзывъ о драмѣ Пушкина «Борисъ Годуновъ» также общъ и бездоказателенъ. Въ началѣ его сказано, что «драма эта написана подъ вліяніемъ Карамзина, изъ исторіи котораго Пушкинъ взялъ и идею и многія подробности, но въ приемахъ развитія подражалъ гениальному художнику Шекспиру.... Изображаемое событіе взято изъ эпохи хорошо намъ извѣстной и по этому (?) въ драмѣ не вольно видимъ противорѣчіе, напр. между поступками Бориса и нравственнымъ его состояніемъ, между идеею поэта и исторіею.» Здѣсь 1) подраженіе Шекспиру слишкомъ рѣзко выставлено, ибо нѣтъ прямыхъ доказательствъ на это; допускаютъ подражаніе на основаніи тождества или сходства между произведеніями, а этого нѣтъ на дѣлѣ, да и выше уже сказано, что *идея и многія подробности* взяты изъ исторіи Карамзина, а не изъ Шекспира. 2) Въ подражаніи обыкновенно до нѣкоторой степени не строго вѣрнымъ создается предметъ; ибо

создается по образу другаго, а не по родовымъ своимъ свойствамъ. По этому не вѣренъ приговоръ, что «въ описаніи дѣйствій Бориса и Самозванца Пушкинъ подражалъ Шекспиру,» ибо подробнѣйшее сличеніе мыслей и дѣйствій этѣхъ лицъ у Пушкина и у Карамзина предстввляетъ поразительное тождество, а приемы развитія у Пушкина, какъ и у всякаго сильнаго дарованія, самостоятельны и столько же сходны съ приемами Шекспира какъ у Гете, Софокла и др. 3) Странно заключеніе, что въ драмѣ невольно видимъ противорѣчія, потому что событіе взято изъ эпохи, *хорошо (?) намъ известной*. 4) Противорѣчіе между поступками Бориса и нравственнымъ его состояніемъ на дѣлѣ не доказано и нѣтъ основаній доказать его. Наконецъ 5) мысль о противорѣчій между идеею поэта и исторіею сама представляется разворѣчіемъ, ибо выше сказано самимъ г. Петровымъ, что идея и многія подробности взяты поэтомъ изъ исторіи Карамзина; если же здѣсь подъ исторіею авторъ разумѣетъ мнѣніе новѣйшихъ историческихъ изслѣдователей о смерти Цесаревича Дмитрія, не обвиняющихъ въ ней прямо Бориса, какъ это представилъ Пушкинъ согласно съ Карамзинымъ; то и въ такомъ случаѣ нѣтъ прямаго противорѣчія, ибо они и не оправдываютъ его совершенно. Къ такимъ не доказательнымъ мѣстамъ можно прибавить еще сказанное г. Петровымъ настр. 75, что «для обсужденія о достоинствѣ перевода (Одиссеи Жуковскаго) у насъ есть очень вѣрныя данныя» но гдѣ эти данныя и какія онѣ, — ни выше, ни ниже, и нигдѣ ничего объ этомъ не сказано.

Отзывъ о басняхъ И. Крылова не имѣетъ твер-

даго основанія. «Басни Крылова, говоритъ г. Петровъ на стр. 81, касаются недостатковъ общественныхъ, но не собственно русскихъ, а общечеловѣческихъ, о которыхъ говорятъ и Эзопъ, и Федръ, и Лафонтенъ, и Сумароковъ. Самому взгляду его на общественную жизнь не достаетъ серьезности (?), какъ показываютъ басни: *Два голубя, Сочинитель и разбойникъ, Водолазы*. Мораль двухъ послѣднихъ очень проста, а идея первой лично принадлежала Крылову, который боялся всякихъ тревоженій и, подобно Обломову, любилъ дома лежать на диванѣ.» Здѣсь 1) не вѣрно отрицаніе въ басняхъ Крылова русскаго содержанія, ибо въ большинствѣ его басенъ образы и картины взяты изъ русской природы съ чертами русской общественной жизни. 2) Странно было бы изъ устъ ученика слышать, что взгляду Крылова на общественную жизнь не достаетъ серьезности и довольствоваться доказательствами на то со стороны только трехъ поименованныхъ басенъ, изъ которыхъ въ двухъ послѣднихъ мораль проста, а идея первой будто бы лично принадлежитъ Крылову. При этомъ не объяснено, въ чемъ же состоитъ простота морали и какъ доказывается ею недостатокъ серьезности во взглядѣ поэта на общественную жизнь. Что же касается, до того, будто идея первой принадлежитъ лично Крылову, это совершенно ложно, ибо басня эта взята у Лафонтена и воспроизведена на русскомъ языкѣ даже не однимъ Крыловымъ, а раньше его; слѣд. указаніе на обломовщину здѣсь вовсе неумѣстно. Далѣе на стр. 82, указавъ на художественность какъ на главное достоинство басенъ Крылова, г. Петровъ не приз-

наеть возможнымъ приписать имъ въ такомъ же смыслѣ *народность*, потому будто бы, что поэтъ «взявъ образы изъ народныхъ сказокъ, многія черты животныхъ отбросилъ, и внесъ *такія, которыя не натуральны*, напр. представилъ Льва охотника «до куръ. Черезъ это рассказъ очень близкій къ «народной сказкѣ, лишился своей *наивности*, и этотъ «недостатокъ невольно бросается въ глаза. Звѣри-«ный міръ, изображаемый у народа *просто и есте-«ственно* со всеѣмъ разнообразіемъ его природныхъ «свойствъ, у Крылова обозначенъ *немногими избран-«ными* чертами необходимыми для сатиры. Вліяніе «классицизма въ басняхъ очень замѣтно и поражаетъ «тѣмъ непрятыѣе, чѣмъ сильнѣе русскій элементъ.» Здѣсь 1) изложеніе нѣсколько непослѣдовательно, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; 2) съ ли-шеніемъ наивности въ рассказѣ басни будто бы сла-бѣетъ и народность его; но наивность не такая же важная черта въ народномъ рассказѣ, чтобы она одна могла придавать ему народность или лишать оной; 3) по одной баснѣ сдѣлано заключеніе, что поэтъ придалъ животнымъ черты ненатуральныя; 4) эти ненатуральныя черты признаны, однакожъ, из-бранными, т. е. наиболѣе подходящими или къ свой-ствамъ животныхъ, слѣд. самыми натуральными, или къ цѣли разсказа, слѣдовательно въ аллегоріи. Онѣ, какъ избранныя, пригодны вести читателя къ выводу естественнымъ путемъ, ибо ненатуральныя чер-ты не могутъ способствовать этому; 5) вліяніе клас-сицизма въ этихъ басняхъ Крылова выставлено слишкомъ рѣзко.

Во всей статьѣ о Крыловѣ не указано на самостоятельныя басни и на характеръ переводныхъ, на значеніе тѣхъ и другихъ и не разобрана ни одна изъ нихъ. Отсюда не полнота, не практичность, кромѣ несостоятельности нѣкоторыхъ приговоровъ, не выдержанности ихъ и нѣкоторыхъ противорѣчій.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вмѣсто прямаго объясненія литературныхъ данныхъ, представлены г. Петровымъ разсужденія по поводу этихъ данныхъ, не уясняющія ихъ свойствъ. Напр. на стр. 9 авторъ говоритъ, что рядомъ съ эпосомъ народа существовалъ у насъ эпосъ дружины, что онъ не сохранился въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, но «слѣды его легко отыскать «на первыхъ страницахъ лѣтописей, гдѣ повѣствователь видимо увлекался дружинными началами.» Въ хитрости и лукавствѣ В. Кн. Олега, В. Кн. Ольги и въ воинственности В. Кн. Святослава г. Петровъ видитъ идеалы дружиннаго эпоса. По поводу этихъ данныхъ онъ объясняетъ, что такое была дружина, почему хитрость славилась въ древности и какова была воинственность Святослава. Всѣ эти разсужденія на двухъ страницахъ сами по себѣ и вѣрны, но къ исторіи Словесности вовсе не относятся, тѣмъ менѣе умѣстны въ краткомъ обзорѣ ея и по поводу мнимаго дружиннаго эпоса. А такія уклоненія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, напр. на стр. 23, 24, 47, 50 и др.

Указавъ въ сочиненіи Петрова на недостатки изложенія нѣкоторыхъ данныхъ исторіи русской Словесности, болѣе или менѣе важные для учебника, нельзя рекомендовать его за руководство вполнѣ удовлетворительное; но, принимая въ соображеніе:

а) возможность исправленія и пополненія труда г. Петрова мѣстными наставниками изъ нижеуказанныхъ пособій; б) полноту сочиненія г. Петрова, обнимающаго предметъ съ древняго времени до новѣйшаго; в) отсутствіе какой либо другой теории словесности болѣе годной для употребленія въ семинаріяхъ, можно бы и означенный курсъ литературы г. Петрова допустить къ употребленію въ семинаріяхъ какъ временное руководство, въ ожиданіи лучшаго учебника.

II) Въ слѣдующихъ двухъ сочиненіяхъ подъ заглавіемъ: *Опытъ разбора образцовъ русской Словесности, заключающихся въ программѣ для желающихъ поступить въ Императорскій Московскій Университетъ. Изъ Соснежкаго* (М. 1867 г. стр. 244) и *Пособіе при изученіи образцовъ русской Литтературы Андрея Попова* (М. 1867) нѣтъ полной систематической исторіи Словесности; каждое изъ нихъ ограничивается только не многими сочиненіями небольшого числа писателей. У г. Попова напечатанъ текстъ трехъ былинъ (объ Ильѣ Муромцѣ двѣ и о Садко), пять мѣстъ изъ Нестора, Слово о полку Игоревѣ. Подъ чертою текста приложены филологическія объясненія весьма дѣльныя. При каждомъ отдѣлѣ помѣщены историческія замѣтки о характерѣ его произведеній. Эти то замѣтки, долженствующія замѣнить собою исторію Словесности, представляютъ много дѣльныхъ свѣдѣній, хотя и нельзя признать ихъ вполне удовлетворительными. Въ первомъ напр. отдѣлѣ не объяснено отношеніе былины къ сроднымъ ей формамъ поэзіи; нѣтъ тамъ указаній на отличительныя черты былины въ историческомъ отно-

шеніи. Древній періодъ этимъ и ограниченъ: Кириллъ Туровскій, Геннадій, Іосифъ, Нилъ Сорскій, Домострой, Кошихинъ, Посошковъ и др. должны остаться вовсе неизвѣстными ученику. Далѣе напечатаны тексты нѣкоторыхъ сочиненій слѣдующихъ писателей съ біографическими свѣдѣніями объ авторахъ и разборомъ приведенныхъ мѣстъ изъ сочиненій Ломоносова, Державина, Карамзина, Крылова, Жуковскаго, Пушкина и Гоголя. Въ *Бригадиръ* и въ *Недоросль* Фонъ—Визина указаны только идеи и главныя черты характеровъ безъ текста. Выборъ сочиненій довольно удаченъ для характеристики писателя и его вѣка; біографическія свѣдѣнія о писателяхъ и характеристики ихъ можно признать удовлетворительными для предположенной авторомъ цѣли. Лучшею частію въ сочиненіи все-таки остается разборъ языка въ первомъ отдѣлѣ. При всѣхъ хорошихъ свойствахъ, это сочиненіе не заключаетъ по возможности связнаго обзора исторіи Словесности. Въ древнемъ ея періодѣ вовсе не затронуты упомянутые выше писатели и сочиненія ихъ, въ высшей степени замѣчательныя по отраженію въ нихъ жизни народной. Изъ новаго періода нѣтъ очерка эпической поэзіи и трагической съ драмою до Пушкина, вовсе нѣтъ представителей ученаго направленія и народнаго въ XVIII и XIX в. какъ бы слабо оно ни проявлялось. Крыловъ представленъ безъ связи съ предшествовавшими баснописцами. Все это пробѣлы въ изложеніи г. Полова, но и въ настоящемъ видѣ его сочиненіе можетъ служить пособіемъ для наставника въ ожиданіи лучшаго.

III) Въ трудъ *Ив. Соснецкаго* вошли тѣ же пи-

сатели, съ прибавленіемъ Грибоѣдова, и разсмотрѣны почти только тѣ же ихъ сочиненія съ дополненіемъ не многихъ другихъ. Но у него не напечатанъ текстъ разбираемыхъ сочиненій, какъ это сдѣлано г. Поповымъ: объясненія же характера литературныхъ произведеній и ихъ оцѣнка нѣсколько слабѣе. Впрочемъ и въ настоящемъ видѣ это сочиненіе можетъ быть не бесполезно для библіотекъ семинарій.

Пособіями при изученіи исторіи русской Словесности могутъ служить:

- 1) *Исторія русской Словесности древней и новой г. Галахова т. 1-й.*
- 2) *Исторія Словесности Шевырева,*
- 3) *Столѣтіе русской Словесности Мизко,*
- 4) *Историческія хрестоматіи Галахова и Буслеева.*

(Продолженіе будетъ.)

Отношеніе г. Товарища Оберг-Прокурора Св. Синода отъ 17 Января 1869 г. за № 475 къ Его Преосвященству Серафиму Епископу Воронежскому.

«Для ближайшаго наблюденія со стороны хозяйственнаго управленія за своевременнымъ производствомъ работъ по постройкамъ и исправленіямъ семинарскихъ зданій и надлежащимъ употребленіемъ отпускаемыхъ на оныя суммъ, Святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ отъ 11 (18) декабря 1868 года за № 2480-мъ, постановилъ: поручить Епархіальнымъ Преосвященнымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы семинарскія правленія представляли въ управленіе, по истеченіи каждой трети, вѣдомости по составленной для сего формѣ о ходѣ строительныхъ работъ

по постройкамъ и исправленіямъ семинарскихъ зданій какъ уже разрѣшеннымъ Святѣйшемъ Синодомъ, такъ и по тѣмъ, которыя будутъ разрѣшаемы впредь, при чемъ въ свѣдѣніяхъ за послѣднюю треть 1868 года включили бы данныя о ходѣ работъ за весь этотъ годъ.

Сообщая о семъ Вашему Преосвященству и препровождая при семъ форму вѣдомости, по которой Святѣйшимъ Синодомъ постановлено доставлять въ хозяйственное управленіе необходимыя свѣдѣнія по постройкамъ и исправленіямъ семинарскихъ зданій, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть.

На семъ отношеніи резолюція Его Преосвященства такая: 5 февраля 1869 г. Въ управленіи семинаріи къ должному въ потребномъ отношеніи.

00	000	Завязано на сумму	00
00	000	Выдано на сумму	00
00	000	Въ то число въ теченіи года	00
00	000	Постязано на сумму	00
00	000	Завязано на сумму	00
00	000	Выдано на сумму	00
00	000	Въ то число въ теченіи года	00
00	000	Постязано на сумму	00
00	000	Завязано на сумму	00
00	000	Выдано на сумму	00
00	000	Въ то число въ теченіи года	00
00	000	Постязано на сумму	00
00	000	Завязано на сумму	00
00	000	Выдано на сумму	00
00	000	Въ то число въ теченіи года	00

В Ъ Д О

о ходѣ работъ и поставкѣ матеріаловъ по постройкѣ, или

18

Годъ, мѣ- сяцъ и чи- сло.		ЦѢНА.	
		Рублн.	Коп.
	По такому-то распоряженію, или разрѣшенію:		
00	Заключено условіе, или кон- трактъ, произвести постройку, или исправленіе въ такой-то срокъ на сумму.	000	00
00	Выдано въ ссуду подъ особый залогъ.	000	00
	Въ то число въ теченіи такой- то трети:		
00	Поставлено такихъ-то ма- теріаловъ, согласно смѣтному исчисленію, на сумму 000 и уплачено за нихъ денегъ. . .	000	00
00	Произведено такихъ-то работъ, согласно смѣтному исчисленію, на сумму 000		
00	Уплачено за нихъ денегъ. . .	000	00
00	Выдано въ теченіи трети за- лога съ погашеніемъ задаточ- ной суммы въ 00 руб.		
	и т. д.		
00	Выдана оставшая подрячику сумма.	00	00

МОСТЪ

неправленію, такой-то семинаріи, въ теченіе такой-то трети года.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Матеріалы освидѣтельствованы и найдены хорошаго качества, въ чемъ выдана наблюдающимъ за работами архитекторомъ квитанція съ подписью на оной строительнаго комитета, удостоверяющею въ томъ.

Работы освидѣтельствованы и найдены произведенными хорошо, въ чемъ выдана наблюдающимъ за работами архитекторомъ квитанція, съ подписью на оной строительнаго комитета, удостоверяющею въ томъ.

Свидѣтельствованіе постройки произведено строительнымъ комитетомъ тогда-то, а окончательно освидѣтельствована при членахъ мѣстнаго строительнаго комитета тогда-то.

Отношение канцелярии оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 18 января 1869 г. за № 449, въ правленіе Воронежской семинарии.

«Святѣйшій Синодъ, по разсмотрѣніи журнала учебнаго при ономъ комитета, по просьбѣ г. Писарева о пріобрѣтеніи для духовно-учебныхъ заведеній переведенной имъ на русскій языкъ поэмы Клопштока «Мессіада», постановилъ: сообщивъ семинарскимъ правленіямъ отзывъ означеннаго комитета о пользѣ пріобрѣтенія для семинарскихъ библіотекъ Мессіады Клопштока въ переводѣ г. Писарева, самое распоряженіе о пріобрѣтеніи этой книги предоставить усмотрѣнію правленій.

Канцелярія оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода имѣетъ честь сообщить о семъ семинарскому правленію, для зависящихъ распоряженій, прилагая копію съ отзыва учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ о вышеупомянутомъ переводѣ.

Копія съ отзыва учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ о переведенной г. Писаревымъ на русскій языкъ поэмы Клопштока «Мессіада».

По сравненіи съ оригиналомъ, переводъ г. Писарева оказывается вѣрнымъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ поэмы, въ которыхъ авторъ, по своему ошибочному вѣроисповѣдному взгляду, выразилъ сужденія противныя Православію, напр. объ іерархіи и иконахъ, и которыя переводчикъ благоразумно опустилъ въ своемъ трудѣ. Языкъ перевода правильный и изящный, не смотря на трудности предмета и особенности стопосложенія. Переводу Мессіады предпослана прекрасно составленная біографія Клопштока, полезно знакомящая читателя съ религіознымъ и литературнымъ движеніемъ того времени. Сочиненіе такой важности въ кругу словесныхъ произведеній, какъ Мессіада, которою, благодаря рѣдкому труду и искусству г. Писарева, обогатилась русская литература въ вѣрномъ и художественномъ переводѣ, имѣетъ право занять почетное мѣсто въ библіотекахъ духовныхъ семинарій, какъ пособіе при обзорѣ исторіи литературы, и полезное чтеніе для воспитанниковъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

Слобода Грушевка бирюченскаго уѣзда.

О времени первоначальнаго населенія этой слободы не найдено отчетливыхъ свѣдѣній. Можно сказать только предположительно, что она существуетъ около двухъ сотъ лѣтъ. На такомъ предположеніи можно оставаться потому, что изъ хранящихся въ церковной ризницѣ книгъ есть метрическая, начавшаяся 1760-мъ годомъ и съ сего года подписывался подъ оною священникъ сперва одинъ, а потомъ съ діакономъ; слѣдовательно Грушевка въ то время была совершенно самостоятельнымъ приходомъ, для устройства же прихода надобно было не мало времени. Прихожане знаютъ, что въ сей слободѣ былъ прежде храмъ деревянный. Изъ описи церковной, сдѣланной въ 1808 году, оказывается, что въ томъ храмѣ св. антиминсъ былъ холщевый, освященъ преосвященнымъ Іоасафомъ епископомъ Вѣлоградскимъ и Обоянскимъ въ 1862 году апрѣля 2 дня; но здѣсь, кажется, есть ошибка въ означеніи года, потому что въ журналѣ «Странникъ» за 1865 годъ мѣсяца августа отдѣлъ 1-й на страницѣ 57-й сказано, что упомянутый преосвященный кончилъ временную жизнь въ 1754 году. Вѣроятно же, по этому, антиминсъ освященъ 10-ю годами прежде, нежели какъ сказано въ описи; 5 цифра, быть можетъ, по недосмотру, замѣнена 6-ю.

По словамъ нѣкоторыхъ стариковъ слобода Грушевка, кромѣ издавна бывшихъ не многихъ подданныхъ жившаго въ то время помѣщика, населена

разными пришельцами, искавшими вольныхъ земель, которыя они и получали со многими выгодами, съ нѣкоторыми услуженіями съ своей стороны помѣщику. Эти пришельцы, если имъ нравилось житье и пань, оставались у него навсегда; а если нѣтъ — переходили безвозбранно *) къ другимъ землевладѣльцамъ. Но какъ здѣсь, по всей вѣроятности, было хорошо, то изъ пришедшихъ осталось количество значительное. Въ метрическихъ книгахъ съ 1760 года они назывались просто Черкашанами, а въ исповѣдной книгѣ съ 1797 г. они извѣстны подъ названіемъ подданныхъ Черкасъ. Нужно положить, что они переселились изъ земли Донскихъ казаковъ. Въ географіи російскаго государства, напечатанной въ Москвѣ 1819 года въ типографіи С. Селиванова, на 503 страницѣ, означено, что въ составѣ Оксаяскаго сыскнаго начальства были 21 станица, въ числѣ коихъ поименована и Грушевская. Неудивительно, что изъ сей послѣдней явились переселенцы, удержавъ за собою и здѣсь названіе Грушевцевъ, тѣмъ болѣе, что количество сихъ малороссовъ превосходитъ количество прежнихъ подданныхъ на 421 муж. и 449 душъ женскаго пола.

Слобода Грушевба по метрическимъ книгамъ за 1760, 61 и 62 годы писалась состоящею въ Бѣлоградской епархіи Валуйскаго вѣдомства, съ 1763 по 86 годъ — той же епархіи Валуйской протопопіи, съ 1786 по 98 — той же епархіи Воронежскаго намѣстничества Ливенской округи, 1708 годъ ни какъ не озаглавленъ, а съ 1709 года по настоящее время

*) Бывало это, только до 1-й ревизіи.

она уже считается въ Воронежской епархіи Бирюченскаго уѣзда. Эта слобода поселена на очень высокомъ и ровномъ мѣстѣ; такъ что она, въ особенности храмъ почти со всѣхъ четырехъ сторонъ видны за 25 верстъ. Разстояніемъ она отъ Воронежа въ 210-ти, а отъ уѣзднаго города въ 60 верстахъ. Самыя ближайшія къ ней слободы: слобода Верхняя Лубянка Бирюч. уѣзда въ 5-ти и слобода Борисовка Валуйскаго — въ 7-ми верстахъ.

Храмъ въ настоящее время въ нашей слободѣ каменнаго зданія, красивъ какъ снаружи, такъ и внутри. Престоловъ въ немъ три: главный — вънизу во имя святителя и чудотворца Николая, на хорахъ съ сѣверной стороны во имя св. Митрофана, а съ южной — Равноапостольной Маріи Магдалины, сей послѣдній устроенъ въ честь ангела жены строителя церковнаго. Антиминсы: 1-й перенесенъ изъ прежняго храма и освященъ 25-го марта 1810 года Арсеніемъ, епископомъ Воронежскимъ и Черкасскимъ, 2-й освященъ Антоніемъ, архіепископомъ Воронеж. и Задонскимъ 31 мая 1841 года, а 3-й — архіепископомъ Воронеж. и Задонскимъ Игнатіемъ 18-го мая 1847 года. Храмъ этотъ построенъ въ 1829 году усердіемъ родныхъ братьевъ надворнаго совѣтника Петра и штабсъ-ротмистра Николая Андреевичъ Шидловскихъ, на что и выдана имъ храмозданная грамота въ 1824 году Епифаніемъ, епископомъ Воронежскимъ и Черкасскимъ. Они по смерти отца своего Андрея Степановича, который одинъ владѣлъ Грушевкою, получили оную себѣ въ наслѣдство. Всѣ трое похоронены въ церковномъ дворѣ.

До поступленія моего въ Грушевку къ храму были высылаемы гг. помѣщиками ночные караульщики. При поступленіи же моемъ во время эмансипаціи въ 1862 году я обращаюсь письменно и словесно къ мѣстному сельскому начальству и обществу, какъ уже самостоятельному, объ избраніи двухъ караульщиковъ постоянныхъ и устройствѣ для нихъ караулки. Караулка была устроена деревянная, а караульщикъ и до сихъ поръ одинъ только. Послѣ того видя ограду церковную совершенно обвѣтшалою и развалившеюся предлагалъ обществу возобновить оную, но общество отказалось бѣдностію. Что тутъ дѣлать? Непріятно видѣть такой упадокъ такого мѣста. Вздумали, наконецъ, обратиться съ прошеніемъ къ преосвященнѣйшему Іосифу о разрѣшеніи ходить съ просительною книгою въ своей губерніи, а который, за подтвержденіемъ мировымъ посредникомъ Владиміромъ Г. Шидловскимъ нашей нужды, удовлетворилъ въ просимомъ. Сборъ съ этой книгою продолжался послѣ и съ разрѣшенія преосвященнѣйшаго Серафима.

Случай благотворительности: жена умершаго строителя упомянутаго Николая Андреева сына Шидловскаго Анна Ивановна, имѣющая теперь 81 годъ отъ роду, пожертвовала въ храмъ еще до меня икону Николая угодника въ серебрянномъ съ позолотою окладѣ въ 150 руб. сер., при мнѣ 10 руб. и атласную шаль; дочь ея Екатерина серебряннаго бѣлаго газета съ отдѣлкою воздуха, а также покровы на налои, поручи и проч. Кромѣ того она, имѣя свѣдѣнія въ медицинѣ, держа у себя небольшую аптеку, очень многимъ въ приходѣ больнымъ помогаетъ

безмездно. Опыты ея леченія много разъ произво-
дился въ моемъ семействѣ съ счастливымъ успѣ-
хомъ. Сынъ Анны Ив. Иванъ подарилъ въ храмъ
библію; другой сынъ подполковникъ Николай иъ со-
браннымъ съ просительною книгою присоединилъ
своихъ въ 1866 году 350 р. сер. *), за что ему пре-
подано благословеніе Св. Синода, да 1867 г. 263 р.
79 к., исключая обоекъ, употребленной имъ для 2 хъ
жертвенниковъ, царскихъ вратъ (?) двухъ шкафовъ
для ризницы, столиковъ, за которую **) онъ запла-
тилъ 50 р. сер. По рисунку нашего прихожанина,
капитана лейтенанта Алек. Агѣева (онъ пожертво-
вовалъ для ограды 30 р. сер.), утвержденному пре-
освященнѣйшимъ Серафимомъ, подъ бдительнымъ
надзоромъ Ник. Шидловскаго, у насъ въ прошломъ
году выстроена приличная каменная ограда съ такою
же караулкою, деревянную же караулку опредѣлили
просфорнѣ и тотъ же Шидловскій перенесъ ту ка-
раулку на свой счетъ.

Жители: помѣщичьихъ домовъ въ настоящее
время у насъ пять. Всѣ помѣщики занимаются
хлѣбопашествомъ и овцеводствомъ. Хлѣбъ моло-
тятъ машинами. Самый главный хлѣбъ, — пшеница,
которая сбывается на мѣстѣ на крупчатныя заведе-
нія цѣною отъ 6 р. до 7 р. 50 к., смотря по сорту
и достоинству оной, за 10 ти пудовую четверть.
Шерсть съ овецъ, которая у всѣхъ шанской по-
роды, тоже покупаютъ на мѣстѣ отъ 6 р. 50 к. до

*) Это пожертвованіе обнародовано было въ 17. № 1867 г. Еп. Взд.
стр. 554.

**) Весьма темно шпигель автору: у него выходишь, что не только
фы и столики обиваются обойкой, но и царскія врата; такого
еще не видано. Ред.

8. р за пудъ. Крестьяне, получивъ отъ помѣщиковъ дарственной земли $\frac{3}{4}$ дес. на душу, покупаютъ у нихъ же землю подъ посѣвъ или отработываютъ за оную. Сѣютъ пшеницу, рожь, просо, гречиху, коноплю и часть подсолнуховъ. Пастбище для скотины крестьяне снимаютъ у помѣщиковъ за условные отработки. Количество всѣхъ жителей въ разное время видно изъ слѣдующей выписки извлеченной изъ исповѣдныхъ вѣдомостей за разные годы:

За 1797 годъ.

Духовныхъ	5 муж.	3 жен.
Помѣщиковъ	8 муж.	2 жен.
Дворовыхъ	45 муж.	47 жен.
Подданныхъ Черкасъ	552 муж.	573 жен.
Великороссійскихъ крестьянъ	86 муж.	77 жен.

Итого . 696 муж. 702 жен.

За 1826 годъ.

Духовныхъ	4 муж.	4 жен.
Помѣщиковъ	7 муж.	3 жен.
Дворовыхъ	81 муж.	82 жен.
Малороссійскихъ крестьянъ	573 муж.	583 жен.
Великороссійскихъ крестьянъ	175 муж.	151 жен.

Итого . 838 муж. 823 жен.

За 1836 годъ.

Духовныхъ	6 муж.	6 жен.
Помѣщиковъ	6 муж.	4 жен.
Дворовыхъ	90 муж.	118 жен.
Малороссійскихъ крестьянъ	548 муж.	601 жен.
Великороссійскихъ крестьянъ	144 муж.	150 жен.

Итого . 794 муж. 879 жен.

За 1846 годъ.

Духовныхъ	6 муж.	6 жен.
Военныхъ	14 муж.	18 жен.
Статскихъ	2 муж.	1 жен.
Дворовыхъ	126 муж.	168 жен.
Малороссійскихъ крестьянъ	497 муж.	543 жен.
Великороссійскихъ крестьянъ	187 муж.	211 жен.
Мѣщанъ	4 муж.	4 жен.
Вольноотпущенныхъ	5 муж.	15 жен.

Итого . 841 муж. 966 жен.

За 1859 годъ.

Духовныхъ	2 муж.	9 жен.
Военныхъ	8 муж.	23 жен.
Статскихъ	5 муж.	4 жен.
Мѣщанъ	7 муж.	11 жен.
Дворовыхъ	43 муж.	34 жен.
Помѣщичьихъ крестьянъ	982 муж.	784 жен.

Итого . 747 муж. 865 жен.

За 1866 годъ.

Духовныхъ	7 муж.	16 жен.
Военныхъ	49 муж.	72 жен.
Статскихъ	4 муж.	4 жен.
Мѣщанъ	2 муж.	4 жен.
Крестьянъ собственниковъ	699 муж.	701 жен.
Временно-обязанныхъ крестьянъ	114 муж.	112 жен.
Государственныхъ крестьянъ	6 муж.	7 жен.

Итого . 881 муж. 916 жен.

За послѣдній 1867 годъ.

Духовныхъ	6 муж.	12 жен.
Военныхъ	54 муж.	87 жен.
Статскихъ	4 муж.	3 жен.

Мѣщанъ	1 муж.	3 жен.
Крестьянъ собственниковъ . . .	703 муж	691 жен.
Временно-обязанныхъ крестьянъ	119 муж.	116 жен.
Государственныхъ крестьянъ . .	7 муж.	7 жен.
Итого . 904 муж. 919 жен.		

Причины почему количество душъ муж. пола за 1836 г. меньше количества за 1826 определить нельзя, потому что изъ этого десятка лѣтъ за 4 года ни метрическихъ, ни исповѣдныхъ книгъ въ церковной ризницѣ не имѣется; убыль же душъ въ 1856 году противъ 1846 года произошла отъ раздѣла наслѣдниковъ покойнаго Петра Ан. Шидловскаго, которые продавали людей и не живущимъ здѣсь помещикамъ; многихъ фамилій крестьянскихъ, писавшихся въ прежнихъ книгахъ, за настоящіе годы не встрѣчается.

Прихожане наши въ храмъ Божій къ богослуженіямъ ходятъ дружно и усердно, въ особенности зимою. Не безъ того, иныхъ отвлекаютъ существующіе по Воскреснымъ днямъ въ слободахъ Волоконской и Погромцѣ базары. Храмовые наши праздники мало приносятъ дохода церкви и духовенству. Въ день св. Маріи Магдалины многіе работаютъ, въ день св. Митрофана больше пяти молебновъ не бывало; даже въ самый главный престольный праздникъ многіе уѣзжаютъ въ ярмарку въ слоб. Волоконскую; и въ которые въ предыдущіе дни приглашаютъ въ домахъ служить молебны, количество которыхъ въ мою бытность за 50 не простиралось. Въ святки Рождественскіе и пасхальные бываетъ по дворамъ молебновъ до 50-ти, иногда и болѣе. Многіе изъ прихожанъ

понедѣльничаютъ добровольно; не мало такихъ домовъ, въ которыхъ все семейство въ понедѣльники не вкушаетъ скоромной пищи, а между тѣмъ гдѣ нибудь въ тихомолку не прочь иные пользоваться чужбинкою; въ первоначальное трехлѣтіе моего здѣсь служенія въ нашей слободѣ украдено болѣе 10-ти лошадей, изъ коихъ одна и моя, и такъ искусно, что не оказалось никакихъ слѣдовъ, къ открытію виновниковъ. Впрочемъ въ послѣднее время нѣкоторые были пойманы съ помѣщичьимъ хлѣбомъ и нѣкоторыми вещами, за что поплатились отсиживаніемъ въ тюремномъ замкѣ. Прежде бывало за подобныя проступки помѣщикъ накажетъ домашнимъ образомъ, да и опять ступай въ работу, а теперь то со всѣмъ иное. Года два стало смирнѣе, не слышно рѣзкихъ проявленій воровства.

Въ числѣ церковныхъ принадлежностей есть два серебрянныхъ крестика, повѣшенные на иконѣ свят. Николая; хранятся въ нихъ три частицы мощей, обернутыя—каждая въ особую бумажку. На каждой бумажкѣ надпись такая: 1) Николая чудотворца, 2) Іоанна П., 3) Харяе. П., (вѣроятно Харлампія).

При мнѣ прихожанка наша вдова штабсъ-ротмистрша Анна Ів. Шидловская пожертвовала въ храмъ еще три частицы мощей, доставшіяся ей отъ предковъ, также въ бумажныхъ оберткахъ съ такими надписями: 1) пр. Моусея Утрина, 2) пр. Іоанна Постника и 3) пр. Силуана схимника.

Вотъ все, что въ настоящее время могу сообщить о слоб. Грушеvkѣ.

Священникъ *Г. Поповъ*.

II.

Сельскія приходскія школы и отношеніе къ нимъ сельскихъ властей.*).

Два послѣднихъ дѣсятилѣтія справедливо могутъ называться счастливымъ временемъ для Россіи, въ отношеніи распространенія образованія въ низшемъ классѣ народа. За 20 лѣтъ назадъ рѣдко, рѣдко въ цѣломъ селѣ можно было встрѣтить одного — много двухъ грамотныхъ крестьянъ, научившихся кое-какъ славянскому чтенію, да письму у кого-либо изъ мѣстнаго духовенства, единственнаго разсадника просвѣщенія для нашего простонародія. А о сельскихъ школахъ не было и помину. Да и эти не многіе грамотѣи не пользовались большимъ уваженіемъ своихъ собратьевъ, потому что въ нашемъ православномъ народѣ не было не только любви къ наукамъ, а напротивъ замѣчалось закоренѣлое предубѣжденіе противъ образованія; такъ что, если какой крестьянинъ отдавалъ сына «въ ученье», то на него смотрѣли какими то особенными глазами, и доброе дѣло ставили не болѣе, какъ предметомъ глупыхъ насмѣшекъ, укоризнъ и т. под.; такъ что бѣдный отецъ не рѣдко раскаивался въ своемъ поступкѣ, оставлялъ сына коснѣть въ невѣжествѣ дѣдовъ и прадѣдовъ, уступая предразсудку старины къ наукамъ и утѣшаясь пословицею: «наши дѣды не учены были, да богато жили.»

Но какъ всему бываетъ конецъ, то кончается долгій періодъ невѣжества и въ нашемъ простонародьи. Упорная привязанность къ старинѣ мало по

*.) Статья эта опоздала почти на четыре года: помѣщаемъ ее потому, что, представляя въ довольно вѣрной картинѣ наше недавнее прошлое, она помогаетъ намъ снять хоть одно изъ тѣхъ нареканій, какія въ такомъ изобиліи взводятся на рус. духовенство газетной и журнальной печатью.—Ред.

малу ослабѣваетъ, и на мѣсто ея возникаетъ желаніе новой, лучшей жизни; предубѣжденіе къ наукамъ смѣняется стремленіемъ къ знанію. Отсюда въ послѣднее время мы видимъ, что повсемѣстно возникаютъ народныя школы, и въ каждомъ почти селѣ, гдѣ только есть церковь и духовенство, тамъ довольно не рѣдко есть и училище для дѣтей—крестьянъ. Не вольно радуется сердце при видѣ такой благодѣтельной перемѣны въ низшей средѣ народа; невольно рождается чувство искренней благодарности благодѣтелю Императору, усердному покровителю образованія. Быстро переносится мысль современника за нѣсколько лѣтъ впередъ, къ тому благодатному времени, когда можно будетъ видѣть изъ тысячи грамотныхъ одного неграмотнаго. —Таковы чувства патріота при общемъ взглядѣ на распространеніе образованія, начинающаго проникать въ массу русскаго народа. Много хорошихъ надеждъ подаетъ будущее; но нельзя скоро ожидать его при тѣхъ условіяхъ, съ какими совершается распространеніе грамотности въ народѣ, потому что въ дѣлѣ этомъ какъ и во всякомъ человѣческомъ учрежденіи, много существенныхъ недостатковъ; много неудобствъ и матеріальныхъ нуждъ, требующихъ исправленія. Разсмотримъ по ближе положеніе народныхъ школъ во всѣхъ отношеніяхъ ихъ существованія.

Всѣ сельскія школы можно раздѣлить на два разряда: на заштатныя, или частныя, *) которыя находятся почти въ каждомъ селѣ и содержатся тѣмъ же обществомъ, которымъ заведены, независимо

*) Есть болѣе опредѣленное, офиціальное дѣленіе и наименованіе сельскихъ школъ. Ред.

отъ правительства; и штаттыя или казенныя, основанныя министерствомъ народнаго просвѣщенія, отъ котораго получаютъ полное содержаніе. Тѣ и другія школы находятся подъ непосредственнымъ вѣденіемъ сельскаго начальства и приходскихъ священниковъ. — Перваго рода училища есть, какъ сказано выше, въ каждомъ приходѣ, потому что онѣ возникаютъ по настоящему требованію епархіальнаго начальства, принимающаго въ послѣднее время самое жаркое участіе въ дѣлѣ народнаго образованія. Дѣло доброе съ одной стороны — потому что наше сельское духовенство, отягченное обыденными нуждами и заботами, а вмѣстѣ съ тѣмъ привыкшее къ своего рода покою и недѣятельности, мало заботилось объ умственномъ просвѣщеніи своихъ пасомыхъ, и предоставленное самому себѣ, безъ посторонняго побужденія, можетъ быть еще не скоро бы предприняло это доброе дѣло. Но съ другой стороны здѣсь является своего рода крайность. Начальство шлетъ указъ за указомъ духовенству объ учрежденіи училищъ, ни сколько не разсуждая о средствахъ, на которыхъ они должны существовать. Все дѣло падаетъ на священника, какъ представителя и клира и прихода. И вотъ онъ начинаетъ хлопотать о заведеніи школы. Прежде всего онъ дѣлаетъ предложеніе своимъ прихожанамъ; съ силою доказываетъ имъ пользу и необходимость грамотности; требуетъ отъ нихъ самыхъ незначительныхъ, только необходимыхъ, издержекъ для этого предмета. Но на первый разъ встрѣчаетъ въ обществѣ или прямой отпоръ, или

неопредѣленные отвѣты: «подумаемъ, дескать, да посмотримъ.»

Затѣмъ священникъ обращается къ сельскому начальству и проситъ его содѣйствія. Волостное правленіе обѣщаетъ свою помощь, которая на дѣлѣ оказывается только въ томъ, что оно силою власти принуждаетъ общество согласиться на требованіе священника. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это начальство предупреждаетъ, что болѣе ничѣмъ не можетъ пособить, и содержаніе школы должно зависѣть отъ общества, сообразно съ его силами. Послѣ многихъ мірскихъ сходовъ, послѣ шума и крика, старики даютъ руки въ знакъ согласія на учрежденіе у себя училища. Прежде всего нужна квартира для помѣщенія его. Ни у одного изъ жителей не оказывается просторнаго помѣщенія, и священникъ по неволѣ дѣлаетъ самопожертвованіе, отдѣляя изъ своего, и безъ того небольшого, дома комнаты двѣ, стѣсняетъ свое семейство, и лишаясь покоя, пускаетъ къ себѣ на житье грязь, нечистоту, сырость и др. неудобства... Далѣе открывается нужда въ самыхъ необходимыхъ, нѣсколькихъ столахъ и скамьяхъ для помѣщенія по крайней мѣрѣ половины учениковъ. Общество и тутъ отказывается; опять священникъ принужденъ дѣлать на свой счетъ. — Наконецъ, послѣ многихъ трудовъ и заботъ, назначается день открытія школы, и являются ученики въ сопровожденіи отцовъ, матерей и другихъ родственниковъ. Всѣ обращаются къ священнику съ низкими поклонами и просьбами: «не оставь дескать, батюшка моего мальченка своею милостью; присматривай за нимъ, да получше проказывай грамотку»

то)... Скрѣпившись духомъ, священникъ терпѣливо выслушиваетъ и принимаетъ всѣ безтолковыя, хотя очень естественныя для родителей, просьбы; обѣщаетъ каждому свое вниманіе, лишь бы по скорѣй отдѣлаться отъ доуки, и проводивъ всѣхъ постороннихъ, принимается за дѣло. Много труда и еще болѣе терпѣнія нужно имѣть для того только, чтобы привести въ порядокъ это, ничего не понимающее стадо мальчиковъ, изъ которыхъ ни одинъ не умѣетъ, какъ должно, ни сѣсть, ни встать, ни отвѣчать что нужно. Далѣе изъ 30-ти напр. человекъ не болѣе, какъ у 5-ти имѣются азбуки, или буквари. И по неволѣ пять, шесть мальчиковъ сидятъ за одною книгою. Около полмѣсяца убивается учителемъ только на то, чтобы пріучить нѣкоторыхъ сколько нибудь правильно выговаривать буквы. Между тѣмъ способные ученики скоро проходятъ азбуку, и для нихъ открывається нужда въ другихъ книгахъ. Наставникъ внушаетъ мальчикамъ, чтобы они попросили отцовъ своихъ купить имъ часословъ, псалтирь, или другое что. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что часто одни изъ этихъ учениковъ перестаютъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль и даже мѣсяцовъ ходить въ училище, говоря что имъ не почемъ учиться; отъ другихъ получается ствѣтъ, что «батенка скоро пообѣщала ѣхать въ городъ на базаръ купить книгу.» Рѣдко исполняются эти обѣщанія, и то чрезъ продолжительное время, а большая часть родителей остаются и глухи и нѣмы къ этой необходимости. Доведенный до крайности наставникъ обращается къ волостному начальству и проситъ, какъ милостыни, выслать нѣсколь-

ко насущныхъ учебниковъ. На первую просьбу не получается никогда отвѣта. Ждетъ бѣдный наставникъ мѣсяць и больше, и пишетъ формальное отношеніе, на оборотѣ котораго его просятъ подождать, потому что много требуется книгъ для штатныхъ училищъ, а за недостаткомъ ихъ его не могутъ удовлетворить теперь. И только, послѣ долгихъ переписокъ съ волостнымъ правленіемъ, священникъ получаетъ половинное число экземпляровъ изъ требуемыхъ для училища книгъ.

Наступаетъ холодное время, и наставникъ утѣшается надеждою, что всѣ свои труды и расходы вознаградитъ безденежнымъ отопленіемъ своего дома въ продолженіи зимы; такъ какъ при учрежденіи школы общество обязалось съ каждаго дома доставить на отопленіе школы по возу дровъ и соломы. Напрасная надежда! обѣщаніе прихожанъ не выполняется и на половину. Правда, что нѣкоторые добросовѣстные крестьяне привезутъ дровъ; это большею частію тѣ, у которыхъ есть дѣти въ школѣ. А остальные и думать забыли. Это обстоятельство опять заставляетъ священника-наставника входить въ сношеніе съ сельскимъ начальствомъ, или правильнѣе—вести полемику съ нимъ. И вотъ онъ проходитъ всѣ мытарства, переходя отъ низшей власти къ высшей. Жалоба, такъ называемымъ, выборному и старостѣ остается почти всегда безъ послѣдствій, и дѣло опять доходитъ до волости. Къ чести ихъ сказать, голова, или засѣдатель въ этомъ случаѣ оказываются нѣсколько внимательнѣй и дѣятельнѣй. Они гораздо скорѣе отзываются на просьбу наставника строжайшими предписаніями къ низ-

шимъ начальникамъ объ исправной доставкѣ отопленія для училища. Но результатъ почти всегда одинъ и тотъ же, потому что въ мѣрѣ (т. е. сельскомъ обществѣ) все судится и рѣшается водкою, — она всему голова. Староста собираетъ сходню и передаетъ старикамъ приказаніе начальства; является полведра — и предписанія какъ будто не было. Въ концѣ года прїѣзжаетъ въ село самъ волостной голова, собираетъ по обыкновенію стариковъ и спрашиваетъ о положеніи школы: хорошъ ли наставникъ, усердны ли занятія его, нѣтъ ли несправедливости (лицепрїятія) къ ученикамъ и т. под. Тутъ-то поднимаются толки! Какъ и вездѣ разумѣется, являются довольные и недовольные, благодарные и обиженные. — Въ заключеніе всего начальникъ предлагаетъ вопросъ, — сколько они, старики, могутъ и желаютъ дать батюшкѣ за годовой трудъ съ дѣтьми ихъ? Этотъ вопросъ поднимаетъ еще большій шумъ. Одни назначаютъ больше, другіе меньше; большинство кричитъ, что общество много дать не въ силахъ; недовольные почему либо священникомъ прямо говорятъ, что много дать не за что. И во всякомъ случаѣ годовое жалованье ограничивается суммою отъ 25 до 40 руб. *).

При такомъ положеніи частныхъ сельскихъ школъ нельзя ожидать успѣшнаго распространія грамотности въ народѣ, а тѣмъ болѣе хорошихъ результатовъ умственного развитія, пока не улучшится матеріальное ихъ благосостояніе. Не справед-

*) Въ одномъ изъ селъ, Е. уѣзда, на такомъ собраніи, общество по личн. неудовольствію къ свящ.-наставнику положило ему за 1863 годъ 4 руб. сер.

ливо было бы требовать отъ наставника усердныхъ занятій, при такомъ трудномъ и скудномъ вознагражденіи труда. Съ другой стороны, обязанность священника и сама по себѣ не легка; и потому не достанетъ ни силъ, ни времени одному совмѣстить эти двѣ должности. Но какого помощника можетъ имѣть священникъ, получая самъ за должность наставника 40 руб? Очень естественно, что онъ жертвуетъ этою лептою, и нанимаетъ себѣ въ помощники или престарѣлаго, заштатнаго дьячка, или даже недоученаго двороваго крестьянина и подобныхъ въ этомъ родѣ, словомъ—такихъ людей, которые сами дальше букваря ничего не видали. Что же теперь можетъ передать такой наставникъ, если онъ самъ не понимаетъ смысла ни одной молитвы, ни одной заповѣди? Въ такихъ школахъ поднимите отборнаго мальчика, проучившагося два, три года, и вы удивитесь его не развитости. Онъ прочтетъ все, что училъ, бойко, твердо, но безсознательно; и кромѣ буквы отъ него ничего нельзя добиться. А между тѣмъ лучшаго пока сдѣлать ничего нельзя. И самъ наставникъ, видя такіе, далеко не блестящіе, плоды своихъ трудовъ, не имѣя возможности и самъ улучшить дѣло, не получая никакой посторонней помощи (разумѣемъ сельское начальство), по неволѣ теряетъ усердіе и ведетъ дѣло такъ, лишь бы знали, что въ его приходѣ есть училище, и оставили въ покоѣ докучливыми указами.

Штатными или казенными называются тѣ сельскія школы, которыя открываются съ дозволенія министерства народнаго просвѣщенія, отъ котораго они

получаютъ опредѣленную сумму для содержанія, и не зависятъ отъ сельскихъ обществъ. Этихъ школъ гораздо меньше, нежели первыхъ, потому что, по существующему положенію, они должны находиться при сельскихъ управахъ и волостяхъ; исключенія бываютъ только для большихъ приходоу. Притомъ правительство принимаетъ на свое содержаніе школу только тогда, когда въ ней находится полный штатъ учениковъ, не менѣе 60. Что можно сказать объ этихъ школахъ? Въ сравненіи съ первыми онѣ представляютъ много лучшаго и болѣе отраднато, потому что имѣютъ несравненно болѣе матеріальныхъ средствъ и пособій; можно даже сказать болѣе, что онѣ обезпечены всѣмъ необходимымъ для успѣшнаго просвѣщенія народнаго. Но прямое и близкое вмѣшательство сельскихъ властей, непосредственному вліянію и распоряженію которыхъ подчинены наши сельскія школы, составляютъ одно изъ главныхъ золь, препятствующихъ и замедляющихъ это доброе дѣло. Извѣстно, что всѣ сельскіе начальники выбираются изъ среды крестьянъ, и не столько по личнымъ достоинствамъ, сколько по матеріальному состоянію и силѣ въ обществѣ. А потому между ними рѣдко можно встрѣтить грамотнаго, за исключеніемъ писарей. Можетъ ли такое начальство сознать и оцѣнить всю важность порученной имъ обязанности въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія? Можетъ ли сочувствовать этому великому дѣлу? Дѣйствительность ясно показываетъ противное; и довѣренность правительства въ этомъ отношеніи служитъ для сельскаго начальства не болѣе какъ лишнимъ средствомъ «къ нагрѣванію собственнаго кармана».

И не погрѣшая, можно сказать, что въ народныхъ школахъ, содержащихся правительствомъ, если есть какіе недостатки, неисправности (а ихъ оч. много); то всё они зависятъ отъ несправедливости и невѣжества сельскаго начальства: потому что при благоразумномъ и добросовѣтномъ распоряженіи тѣми средствами какія доставляетъ правительство, сельскія школы могли бы быть далеко лучше, нежели онѣ на самомъ дѣлѣ.

Внѣшняя обстановка этихъ школъ не представляетъ такой бѣдности и недостатка, какія терпятъ школы частныя. Во многихъ мѣстахъ построены казенные дома, составляющіе и просторное и довольно приличное помѣщеніе для училищъ; гдѣ же нѣтъ этихъ домовъ, тамъ нанимается квартира отъ двухъ до трехъ комнатъ. На всё другія принадлежности школъ также выдаются деньги. На полный штатъ учениковъ (на 60) полагается наставникъ и помощникъ. Должность перваго занимаютъ большею частію приходскіе священники, или окончившіе курсъ семинаріи; помощники — изъ низшихъ классовъ семинаріи. Далѣе — правительство не только обезпечиваетъ учениковъ всеми нужными учебниками; но и выдаетъ много руководствъ, приспособленныхъ именно къ понятіямъ этихъ воспитанниковъ. Сами наставники пользуются также многими пособіями, облегчающими для нихъ трудъ преподаванія. Кромѣ того, въ училищныхъ библіотекахъ вы найдете народныя журналы: «Грамотѣй, Мірской Вѣстникъ» и много другихъ, способствующихъ развитію разсудка и образованію народнаго вкуса, книгъ. Полный курсъ воспитанія состоитъ

изъ 3-хъ лѣтъ, въ продолженіи которыхъ положено преподавать, кромѣ чтенія и письма, повседневныя молитвы и многіе псалмы, свящ. исторію ветхаго и новаго завѣта по нѣсколькимъ руководствамъ, краткій катихизисъ, четыре 1-хъ ариѳметическихъ дѣйствія и главнѣйшіе замѣчательные эпизоды русской исторіи. Три года—время очень достаточное для прохожденія этихъ не многихъ предметовъ. Жаль только, что большая часть мальчиковъ не выслушиваетъ полнаго курса, и выходитъ преждевременно. Причина этаго заключается въ волѣ родителей, которые въ простотѣ своего невѣжества считаютъ вполне достаточнымъ, если сынъ ихъ научился читать и писать. И на всѣ просьбы наставника о продолженіи ученія отвѣчаютъ, что домашнія нужды не позволяютъ ходить въ школу, и что «малый уже выросъ,—пора ему заняться другою наукою жизни—сохою, да острою косою.»

Наставникъ самъ по себѣ не въ силахъ противорѣчить волѣ родителей; а сельская власть не обращаетъ на это вниманія. И по неволѣ воспитаніе мальчика ограничивается псалтирю, да нетвердымъ письмомъ. Вообще домашнія работы отнимаютъ много времени и замедляютъ успѣхи учениковъ. Въ продолженіи осени и зимы занятія идутъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ лѣтомъ, въ продолженіи котораго половина учениковъ не является почти въ школу, и забываетъ выученное; такъ что съ ними приходится начинать снова то, что они прежде хорошо знали.

Преподаваніе уроковъ въ народныхъ школахъ совершается по особымъ программамъ, которыя

глав. обр. стараются упростить преподаваніе и на сколько возможно приблизить къ понятіямъ учениковъ. Относительно этого нужно замѣтить, что программы эти гораздо лучше исполняются молодыми наставниками, нежели пожилыми священниками. Первые, хорошо понимая пользу развитія разсудка и самонадѣятельность мысли, заботятся доставить въ урокахъ болѣе пищи для ума, нежели для памяти. Съ этою цѣлю болѣе развитымъ ученикамъ даютъ книги и журналы для чтенія, и потомъ заставляютъ передавать, какъ поняли, прочитанное. Напротивъ наставники, получившіе воспитаніе въ то время, когда буква преобладала надъ мыслию и пониманіемъ, не могутъ и теперь отрѣшиться отъ своей привычки; а потому преподаваніе ихъ ограничивается по большей части назначеніемъ и выслушиваніемъ уроковъ «отсюда и до сюда», безъ всякихъ объясненій, безъ испытанія, какъ понимаетъ мальчикъ заученное *). Но и при такихъ недостаткахъ преподаванія есть много способныхъ и хорошо понимающихъ мальчиковъ, которые свободно отвѣчаютъ на предлагаемые вопросы, живо и съ сознаніемъ передаютъ выученное, или прочитанное. Кромѣ того нельзя не замѣтить другаго недостатка въ народн. школахъ, обременяющаго и наставниковъ и учениковъ. Это безпорядокъ въ распредѣленіи занятнаго времени: въ большей части школъ нѣтъ, какъ въ другихъ заведе-

*) Однажды, послѣ кеудачныхъ отвѣтовъ мальчиковъ на мои вопросы по катихизису, я спросилъ наставника-священника: объясняетъ ли онъ уроки. Отвѣтъ его слишкомъ удивилъ меня: теперь, отвѣчалъ онъ, еще уроки идутъ вновь, пускай подтверже учать; а вотъ при повтореніи буду рассказывать..

иіяхъ, опредѣленнаго времени для классовъ и перемѣнъ; и потому въ продолженіи 4-хъ часовъ ученики свободно ходятъ взадъ и впередъ, мѣшая другъ другу. А это не можетъ не обременять какъ наставника, такъ и учениковъ. Но болѣе всего производитъ непріятное впечатлѣніе на посторонняго посѣтителя внѣшній видъ сельскихъ учениковъ, большая часть которыхъ поражаетъ своею неопрятностью. Правда, не разумно было бы требовать отъ крестьянскихъ дѣтей большого порядка, и тѣмъ больше формы въ одеждѣ. Но очень легко внушить и даже заставить каждого являться въ чистой и бѣлой рубашкѣ и прибрать волосы, составляющіе особенное безобразіе мальчиковъ. А такое требованіе было бы также полезнымъ урокомъ для жизни нашихъ простолюдиновъ, не наблюдающихъ чистоты и опрятности въ домашнемъ семейномъ быту.

Но всѣ эти недостатки народныхъ школъ, даже взятые вмѣстѣ, являются почти не замѣтными предъ тѣмъ зломъ, которое составляютъ для нихъ сельскія власти. А между тѣмъ имъ предоставлено непосредственное участіе и высшая власть въ этомъ дѣлѣ: въ волостное правленіе высылаются деньги на содержаніе школъ и наставниковъ; оно завѣдываетъ всѣмъ имуществомъ школъ; словомъ — этому начальству предоставлено все, кромѣ главнаго труда учительскаго, въ которомъ оно, разумѣется, ничего не смыслить. Что же изъ этого выходитъ? Не погрѣшая можно сказать, больше зла, нежели добра! Правда, въ дѣлѣ народнаго образованія необходимо участіе сельскаго начальства, какъ ближайшей власти; но слѣдовало бы ограничить его

права и дать меньшую силу: потому что а) деньги, высылаемые правительствомъ непосредственно въ руки сельскаго начальства на содержаніе школъ, едвали издерживаются и на половину; все же остальное дѣлается добычею головы, засѣдателя и друг. членовъ; б) сельское начальство вообще отличается небрежностію къ своей должности и всегда ведетъ дѣла «спустя рукава.» А дѣла по училищамъ всегда оставляются на послѣднемъ планѣ; и потому всѣ нужды и недостатки школъ о которыхъ извѣщаютъ наставники, исправляются очень медленно, или совсѣмъ не вовремя. Такъ напр. книги и журналы, получаемые для училищъ, достигаютъ своего назначенія не раньше какъ чрезъ полгода; и сколько бы ни докучалъ наставникъ въ своей нуждѣ, начальство все дѣлаетъ по своему, не обращая вниманія на просьбы. А сколько терпятъ отъ сельскихъ властей сами наставники? Разказы объ этомъ часто превышаютъ всякое вѣроятіе, а между тѣмъ они справедливы. Гораздо лучше въ этомъ отношеніи, если наставникъ-священникъ: къ нему все-таки имѣется больше уваженія, и исправнѣй ведутся дѣла по училищу, зависящія отъ сельскаго начальства. Однако много притѣсеній и тутъ. Часто напримѣръ священнику приходится получать вознагражденіе за свой трудъ чрезъ полгода и больше; тогда какъ по положенію начальство обязано выдавать чрезъ мѣсяцъ. Да и какъ еще получается! путемъ неоднократныхъ просьбъ, униженій, безпокойствъ. Такъ напр. голова формальнымъ отношеніемъ извѣщаетъ священника, чтобы онъ явился въ волостное правленіе за полученіемъ жалованья къ

такому-то числу. Оставляет священникъ все дѣла и отправляется верстъ за 20 получать великую милость. Но напрасно! Голова забылъ, что просилъ къ этому дню наставника, и его нѣтъ дома; другіе же члены не уполномочены имъ къ выдачѣ денегъ. И это легко можетъ повториться не разъ и не два... Что же касается до наставниковъ не священниковъ, — горе и бѣда имъ, если они не поладятъ съ сельскими властями. Все роды грубыхъ оскорбленій, лишеній и притѣсненій обрушатся на ихъ несчастныя головы. Для большей наглядности представимъ одинъ резкавъ сельскаго учителя — студента.

«Школа, въ которой я былъ наставникомъ, находится при волости с. К. При первомъ посѣщеніи училища, меня поразили беспорядокъ и неопрятность классныхъ комнатъ; по неопытности и незнацію, какъ здѣсь ведутся дѣла, я подумалъ, что вѣроятно предшественникъ мой не обращалъ никакого вниманія на внѣшность, и вообразилъ себѣ, что отъ меня зависитъ испразить этотъ беспорядокъ. (Впоследствии я осуждалъ себя за самонадѣянность и раскаявался въ неосновательномъ осужденіи прежняго наставника). Въ первое время съ поступленія, дѣла мои шли хорошо по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что меня никто не беспокоилъ, никто не указывалъ и не мѣшалъ въ моемъ дѣлѣ; хотя время отъ времени являлись причины, раждавшія во мнѣ неудовольствіе къ сельскимъ деспотамъ; но, пока еще не ознакомился, я переживалъ ихъ въ самомъ себѣ. Однажды прихожу въ классъ и вижу два стекла выбитыхъ въ окнѣ. Подумалъ, что этого еще никто не видалъ, я промолчалъ. Проходитъ нѣ-

сколько дней, и стекло все худое; осенній вѣтеръ и сырость, врываясь въ комнату, пропимають до дрожи. Я посылаю одного изъ учениковъ въ правленіе сказать, чтобы починили стекло, и онъ приноситъ мнѣ отвѣтъ головы, который сказалъ — «безъ него давно знаютъ». Черезъ нѣсколько дней, при личномъ свиданіи съ головою, я самъ напоминаю ему о стеклѣ. И что же вы думаете? Грубый и почти всегда пьяный мужикъ едва не разразился бранью: «молоды еще батюшка, рано стали учить насъ: мы и безъ васъ знаемъ, какъ править дѣлами. Но лучше васъ были учителя, да ладно живали съ нами, а вы не успѣли поступить, да ужъ не начинаете умничать»... Долго лилась въ подобномъ тонѣ мораль сельскаго міроѣда, и я принужденъ былъ бѣгствомъ избавиться отъ непріятной сцены. Съ этого времени настаетъ для меня вполнѣ несчастная участь. Долго впрочемъ не покарялся я судьбѣ и старался противодѣйствовать всеѣмъ низостямъ и мошенничеству волостныхъ членовъ. Но борьба моя была безуспѣшна. Поправить я ничего не могъ, потому что начальство на зло стало притѣснять меня во всемъ, и кромѣ того дѣлать личныя непріятности. Въ большему несчастію, квартира моя была въ близкомъ сосѣдствѣ съ волостнымъ правленіемъ, и я по неволѣ бывалъ свидѣтелемъ самыхъ низкихъ и отвратительныхъ картинъ. Присутственное мѣсто часто обращалось въ кабакъ, и буйные неучи безъ церемоніи распивали предъ зеркаломъ отвратительную сивуху; потомъ начинались всякаго рода безчинства: шумъ, крикъ и нѣсни не давали покоя ни

днемъ, ни ночью. Не рѣдко чрезъ церетородку слышались самыя грубыя и дерзкія насмѣшки, отпускаемыя на мой счетъ.— Былъ даже такой случай: во время классныхъ занятій является въ школу сельскій староста съ тремя пьяными мужиками, и прежде всего начинаютъ предлагать безсмысленные вопросы ученикамъ и мнѣ; потомъ безцеремонно усаживаются и заводятъ между собою площадной разговоръ. На мою просьбу удалиться, они отвѣчали такъ, что я принужденъ былъ оставить классъ и отправиться въ квартиру. Жалоба моя правленію осталась безъ послѣдствій. Невыносимо было мое положеніе среди этихъ варваровъ! но сдѣлать я ничего не могъ. Подать жалобу высшему начальству? надо доказать; а на моей сторонѣ не нашлось бы ни одного свидѣтеля и защитника.

Въ другое время волостной писарь приносить мнѣ для подписи годовые, экономическіе отчеты по содержанію школы. Нашедши все издержки вдвое преувеличенными и множество показаній на такіе предметы, которыхъ вовсе нѣтъ, я не подписался и сказалъ почему.— Но писарь съ насмѣшкою замѣтилъ мнѣ: «не желаете, такъ и безъ васъ обойдемся.» И дѣйствительно; не знаю ужъ какъ это случилось, только моей подписи больше не требовали. А между тѣмъ этотъ мой поступокъ не обошелся для меня безъ послѣдствій, и оставилъ память навсегда. Дѣло было такъ: въ маѣ 1864 года, недуманно не гаданно нагрянулъ къ намъ ревизоръ, человекъ еще молодой, полный сознанія своего величія предъ нами,

мелкими людьми, и потому не чуждый страсти блеснуть умомъ, знаніемъ и губернской удалью. Голова и засѣдатель не забыли предварительно отрекомендовать меня какъ нельзя хуже. Является въ школу и начинаетъ испытаніе, предлагая самые неопредѣленные и даже безтолковые вопросы, въ родѣ того напр: какая первая молитва? Читай крестъ? *) Въ результатѣ всего вышло, что ревизоръ остался недоволенъ мною, какъ нельзя больше, и уѣзжая прочелъ мнѣ длинную мораль объ усердіи, прилежаніи, умѣніи заниматься и т. под.

«Послѣ этого, продолжаетъ учитель, мнѣ предстояла поѣздка на родину, такъ какъ начинались каникулы, и нужно было получить мѣсяца за три жалованье. Вотъ тутъ-то потѣшилось надо мною начальство! Прежде всего голова рѣшительно объявилъ мнѣ, нѣтъ денегъ, и что я могу получить по возвращеніи изъ дома. Потомъ, видя мои усиленные просьбы, нѣсколько дней угрожалъ завтраками, обѣщая разжиться и наконецъ, вмѣстѣ съ другими членами, безъ церемоніи объявилъ, что дастъ денегъ, если только я поставлю хорошей могоарычъ. Крайность заставила меня уступить безсовѣстному требованію, и я не досчитался по рублю отъ каждаго мѣсяца. Вотъ порядокъ и правосудіе, вотъ исполненіе обязанностей людьми, присягнувшими въ вѣрности Царю и отечеству!» — заключаетъ раскащикъ-учитель.

*) Читай крестъ, — по объясненію самаго г. ревизора, какъ передавалъ раскащикъ, значило читать: во имя Отца и Сына и Св. Духа, при произношеніи чего обыкновенно дѣлается крестное знаменіе.

Таково отношеніе сельскихъ властей къ благотвѣтельному дѣлу образованія. — Нельзя не порадоваться, что въ послѣднее время наши школы освобождаются отъ вліянія этихъ людей, потому что, какъ извѣстно, новое государственное преобразование соединяетъ временно-обязанныхъ и казенныхъ крестьянъ въ одинъ центръ управленія. Почему съ 1867 года главными членами волостныхъ правленій будутъ не головы и засѣдатели, а мировые посредники, подѣ ближайшей надзоръ и вліяніе которыхъ должны поступить слѣдовательно и народныя школы. Отъ людей образованныхъ и вполнѣ понимающихъ значеніе и цѣну народнаго образованія нельзя ожидать такихъ злоупотребленій властію, какія были прежде. А потому является несомнѣнная *) надежда на переимѣну къ лучшему и въ судьбѣ нашихъ народныхъ школъ, подѣ управленіемъ новаго и лучшаго начальства.

Николай Лосевъ.

III.

ИЗВѢСТІЕ.

Депутаты духовенства въ училищѣ дѣвицъ духов. званія и благодарность имъ.

Для обсужденія дѣлъ касательно училища дѣвицъ дух. званія, по случаю полученія новаго устава для Епархіальныхъ женскихъ училищъ,

*) Послѣдствія показали, на сколько эта надежда несомнѣнна: то хоть плохія школы, да были во множествѣ; а нынѣ и плохія закрываются въ годъ цѣлыми сотнями.

въ 20 му числу февраля сего 1869 года былъ назначенъ Епархіальный съѣздъ депутатовъ духовенства въ г. Воронежъ. Съ благословенія Преосвященнаго Серафима, по общевыраженному желанію духовенства, собраніе Епархіальнаго съѣзда было сткрыто 20-го февраля, въ 6 час. веч., въ залѣ училища дѣв. дух. званія, отчасти съ тою цѣлю, чтобы депутаты духовенства, собравшіеся въ числѣ болѣе 90 чел., имѣли возможность ознакомиться подробнѣе съ помѣщеніемъ воспитанницъ, съ порядкомъ училища и всею прочею обстановкою. Дѣйствительно многіе изъ депутатовъ осматривали классы и снальни воспитанницъ, были въ столовой залѣ во время обѣда, въ субботу 22 числа слушали пѣніе воспитанницъ, присутствуя при всенощномъ служеніи, совершаемомъ въ зимнее время въ залѣ училища, входили во все подробности училищной жизни воспитанницъ, дѣлая вопросы надзирательницъ или помощницамъ о тѣхъ предметахъ, которые были для нихъ не ясны. Такимъ образомъ, собравъ достаточныя свѣдѣнія, въ настоящее время депутаты духовенства, своими разказами о видѣнномъ, могутъ знакомить съ училищемъ всѣхъ, желающихъ помѣщать въ оное своихъ дочерей, своихъ родственницъ и сиротъ; могутъ знакомить и тѣхъ лицъ, которые до сего времени знали мало, или совсѣмъ не знали даже о существованіи училища дѣв. дух. званія. 20-е и 21-е числа февраля были посвящены на обсужденіе депутатами духовенства всѣхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые составляли прямую обязанность Епархіальнаго съѣзда. 21-го февраля, въ той же залѣ училища, депутаты духовенства имѣли два засѣданія—утреннее и вечернее; подъ конецъ послѣдняго, по предложенію священника села Хрѣноваго, о. Алексѣя Прозоровскаго, была открыта подписка на добровольное пожертвованіе, кто сколько пожелаетъ дать на утѣшеніе воспитанницъ — сиротъ на сырную недѣлю и великій постъ. По этой подпискѣ было вручено надзирательницѣ училища 74 р. 70 коп. сер., съ заявленіемъ чтобы на сырной недѣлѣ сироты имѣли утѣшеніе полакомиться, а въ великій постъ, при говѣніи, въ день принятія Св. Таинъ Христовыхъ, каждая сирота имѣла бы себѣ просфору и поставила бы свѣчу предъ

образомъ, молясь о своихъ благодѣтеляхъ; далѣе депутаты выразили желаніе, чтобы въ продолженіе великаго поста сироты ежедневно получали чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. Воля жертвователей исполниться въ точности! Не оставь ихъ Господь, какъ они не оставляютъ сироты!

Не входя въ исчисленіе предметовъ, которые были обсуждаемы въ собраніи Епархіальнаго съѣзда, журналъ засѣданій котораго, въ свое время, конечно, будетъ сообщенъ чрезъ припечатаніе въ Еп. Вѣдомостяхъ, скажу только, что для училища дѣв. дух. званія проведено много благихъ, прекрасныхъ соображеній, которыя, при помощи Божіей, можно надѣяться—осуществятся современемъ. Не описываю и того торжества, на которое любвеобильный нашъ Архипастырь, какъ чадолюбивый отецъ, собралъ духовенство многочисленное; для описанія этихъ событій, выходящихъ изъ ряду обыкновенныхъ, найдутся лица, которыя передадутъ ихъ въ надлежащей полнотѣ. Эти же не многія строки пишутся съ цѣлю, имѣть возможность выразить искреннюю благодарность сиротъ-воспитаницъ своимъ отцамъ-благодѣтелямъ, жив^о сочувствующимъ не только нуждамъ сиротъ, но даже способствующимъ доставлять имъ утѣшеніе, которое, по ихъ сиротству, бываетъ имъ недоступно получать отъ родныхъ.

ПРИВАВЛЕНІИ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕВАНГЕЛІАМЪ ВЪ ДОМОСТЯХЪ.

МАРТА 1-ГО № 5. 1869 ГОДА.

— *Содержаніе.* — Михаила Пселла похвальное слово Симеону Метафрасту. — Слово въ недѣлю мясопустную.

Михаила Пселла ⁽¹⁾ похвальное слово св. Симеону Метафрасту.

Желая восхвалить великаго и по жизни и по писаніямъ Симеона, коего имя и дѣла прославляются во всей вселенной, я недоумѣваю, какими словами восхвалить его, или что изъ всего сказать, чтобъ составить причинное похвальное слово. Ибо сей мужъ не только краснорѣчіемъ украшался, обладалъ умомъ плодовитѣйшимъ и языкомъ, не по подобію теченія ила, не чрезъ длинные промежутки времени, а ежедневно источавшимъ потоки слова и обильно орошавшимъ: но и нравственнымъ совершенствомъ, и всѣми добродѣтелями стяжалъ себѣ славу, и былъ примѣромъ для желавшихъ вести жизнь честную и умѣренную.

(1) Михаилъ пселль, риторъ и философъ, процвѣталъ во времена Константина мономаха (1042-1054) и... Романа Диогена (1068-1071), императоровъ греческихъ (Allatii: de Simeonum scriptis, pag. 69 etal).

Сего знаменитаго мужа, кстати можно сказать, произвелъ Константинополь, градъ первенствующій и прекраснѣйшій изъ градовъ, перваго и, такъ сказать, прекраснѣйшаго молитвенника о градѣ. Давши ему рожденіе отъ себя и почтивши его такимъ происхожденіемъ, Константинополь и самъ взаимно получилъ честь въ томъ, что возрастилъ мужа, который одинъ доволенъ предоставить ему преимущество предъ прочими городами. И честь, отъ него заимствованная, больше и знатнѣе прежней: тогда превосходилъ прочіе города красотою, на подобіе какого нибудь райскаго мѣста, превосходными окрестностями и обширностію; а послѣ чрезъ св. Симеона, затмилъ и цвѣтами возвращенныхъ у себя добродѣтелей. Такъ что, хотя бы не былъ онъ сначала ни чѣмъ украшенъ, достаточно бы было сего дивнаго сына, чтобъ онъ могъ состязаться въ славѣ съ знаменитѣйшими городами.

Отъ самаго, можно бы сказать, рожденія, когда еще только пробивались волосы, онъ обнаруживалъ несравненные и чрезвычайныя способности, подобно какъ львенки показываютъ тотчасъ по рожденіи гордый видъ и частую гриву. По тому что и тогда уже распускались у него цвѣты разумѣнія: онъ имѣлъ въ себѣ нѣкоторый глубокій корень пронизательности и умъ его показывалъ нѣчто чрезвычайное. Для другихъ и этого было бы довольно, а въ немъ было только предначертаніемъ имѣющаго быть усовершенія его естественныхъ качествъ. Ибо какъ деревья, которыя, при помощи не большаго попеченія объ нихъ, производятъ плоды не по естеству своему, если еще имѣютъ какое нибудь орошеніе, то дѣлаются еще прекраснѣе и величественнѣе: такъ и въ немъ естественныя способности были доступны развитію и быстро росли. По этому онъ по своей волѣ началъ учиться у ритора, а къ философіи прилѣпился отъ глубины души, всеми своими чувствами и помышленіями.

Послѣ того, какъ проникъ въ школы философскія, и оттуда получилъ нѣкоторыя основныя начала въ пособіе къ обрѣтенію искомаго, тотчасъ отсталъ и поднялся на высоту, и при руководствѣ лучей обрѣлъ солнце; или, такъ сказать, отъ солнца началъ присматриваться къ лучамъ, частію изъ послѣдующаго догадываясь о первоначальномъ, а частію отъ первыхъ началъ заключая о вто-

рыхъ по естеству. И зная, что совершенство природы нашей украшено двумя вещами—произведеніями ума и потоками слова, и что изъ предшествовавшихъ ему людей мудрыхъ одни усовершили умъ философіею, а другіе очистили языкъ искусствомъ краснорѣчія, и что, кромѣ одного или двухъ, остальные занимались тѣмъ и другимъ; у однихъ языкъ частыми епихеремами (силлогизмами) стремился на подобіе рѣки, другіе прославились высотой мыслей, такъ что сіи были почти невѣждами въ краснорѣчіи, а тѣ далеки были отъ совершеннѣйшаго разумѣнія: онъ избралъ средину между тѣми и другими, сдѣлался чѣмъ-то связующимъ тѣхъ и другихъ. Онъ приспособлялъ языкъ къ мысли и къ словамъ прилагалъ мысль; къ искусству краснорѣчія присоединялъ философію, чтобъ имѣть дѣйствительнѣйшее и выразительнѣйшее вліяніе; возвышая искусство философіею и соразмѣряя то и другое сдѣлалъ, можно сказать, мысль словесною и слово мыслительнымъ.

Философствовалъ онъ съ нравственною убѣдительностію и ораторствовалъ съ глубиною философа; въ томъ и другомъ родѣ былъ онъ равно способенъ. И какъ философъ, не пренебрегалъ онъ предметами гражданскими, зная, что и на нихъ есть печать философіи, и какъ ораторъ, неотрицался знанія, необольщался однимъ искусствомъ краснѣ говорить.

По этому казался онъ какъ бы нѣкоторымъ свѣтильникомъ, возженнымъ въ Византіи и поставленнымъ на высокое мѣсто, нѣкоторымъ пламенемъ въ воздухѣ, свѣтящимъ для всѣхъ городовъ. И мѣсто его жительства было какъ бы нѣкій звѣздный міръ, блистающій всякимъ родомъ ученія, и посредствомъ одного свѣтильника частію озаряло всю вселенную, частію, кромѣ собственно такъ наз. свѣта, украшало ее и другимъ блескомъ.

И то чудно, и еще болѣе возбуждаетъ къ нему удивленіе, что такимъ онъ сдѣлался, когда былъ знатнаго рода, происходилъ отъ знаменитой фамиліи, обладалъ большимъ богатствомъ и всѣмъ тѣмъ, что человѣка дѣлаетъ лѣнивѣйшимъ къ занятію науками. И тогда какъ многіе философію и краснорѣчіе употребляютъ въ средство къ пріобрѣтенію богатствъ, не для того, чтобъ познавать лучшее, но чтобъ, занимаясь, обиловать суетою, онъ вѣ-

шніе дары счастія употребилъ въ пособіе философіи. По этому не подражалъ онъ ни философамъ, которые проводили жизнь въ праздности, ни ораторамъ, которые чрезъ чуръ многими вещами занимались. Ибо одни, какъ бы ослѣпленные безмѣрнымъ свѣтомъ, тотчасъ закрыли глаза для лучей философіи и не провели добродѣтели въ дѣятельность, да и ученіемъ не воспользовались приличнымъ образомъ, не были правителями городовъ и ученія своего не преподавали публично, въ слухъ всѣхъ, но только растили длинныя бороды, какъ пустую солому, и внѣшностию производили непріятное впечатлѣніе.

Другіе, когда и ненужно было, шатались по площадямъ и позволяли себѣ невоздержность и наглость въ рѣчахъ; иные жили въ бочкахъ, не простирая далѣе своихъ требованій. Иные, опять, провели свою жизнь въ діалектическихъ словопрѣніяхъ, а другіе въ исканіи основъ природы (естества), вводя въ жизнь бесполезныя противорѣчія и споры: и таковы были весьма многіе ораторы. Разумное искусство послужило для нихъ поводомъ къ неразумію. Тогда какъ имъ слѣдовало заняться и разсуждать о полезномъ для общества, они, частію выдумывая сами, частію возобновляя забытое, вводили въ жизнь много вреднаго.

Но св. Симеонъ не таковъ былъ, далекъ былъ отъ нихъ! Не перемѣняя одежды, не уменьшая нисколько приличной роскоши, не безчестя своего рода подобными нововведеніями, онъ не запутывалъ гражданскихъ дѣлъ своими выдумками или выдумками другихъ, и не напрасно ораторствовалъ: знатностію рода воспользовался онъ, какъ пособіемъ къ благодѣаніямъ, а добродѣтелию, которой научился, какъ средствомъ къ блеску и высокимъ достоинствамъ. Потому что, любимый царями, онъ пользовался величайшимъ довѣріемъ ихъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, такъ что, за свою разумность, удостоился стоять близъ царскаго престола, и по знанію дѣлъ получилъ участіе въ управленіи государствомъ.

И во первыхъ онъ завѣдывалъ секретнѣйшими дѣлами и участвовалъ съ императорами въ тайныхъ совѣщаніяхъ; довѣріе къ нему было такъ велико, что и императору докладывалъ онъ донесенія отъвиѣ и передавалъ другимъ повелія императора, и былъ какъ бы надежною

связію управленія тайными дѣлами и правительственными распоряженіями. И тогда какъ солнце обращается частію у насъ, частію въ другомъ мѣстѣ, онъ весь былъ занятъ и при императорѣ, и дѣлами. Какъ выше сказано, обладалъ онъ умомъ оборотливымъ и ко всякимъ дѣламъ способнымъ, такъ что и могъ предвидѣть и посовѣтывать, и исполнить предначертанія; и варваровъ, однихъ отражалъ отъ предѣловъ римскихъ, иныхъ и побѣждалъ войною или искусствомъ, приводилъ къ покорности цѣлые народы, умѣлъ пользоваться и временемъ, и обстоятельствами: измѣнялъ, что требовало переменъ, дѣламъ нововведенія, когда это полезно было, оставлялъ въ томъ же видѣ, что признавалъ хорошимъ.

И при всемъ томъ, былъ онъ человекъ благорасположенный и пріятный; и при всей вѣжливости, языкъ и мысль его умѣрялись надлежащимъ образомъ, были выдержаны. Одѣваясь великолѣпно, имѣя прекрасный видъ и походку, онъ и обращеніе имѣлъ пріятное: внушалъ довѣренность къ себѣ, былъ доступенъ и разговорчивъ и тѣмъ самымъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ. Кромѣ того, былъ и щедръ, и рукою его управляли богатство и добрая воля. Рука его всегда была открыта, и желающій могъ брать изъ нея, какъ изъ текучей рѣки. Таковъ былъ этотъ великій мужъ!

Оказалъ онъ нѣкоторыя услуги и въ отношеніи къ тому, что утверждаетъ нашу вѣру. Онъ—таковы (но отъ чего я не говорю лучше и не обращаю рѣчи на важнѣйшее изъ его дѣлъ? И такъ буду говорить о главномъ, опустивши то, о чомъ слѣдовало бы сказать прежде.)

По истинѣ, знамениты подвиги мучениковъ противъ враговъ, частію видимыхъ, частію не видимыхъ. И какъ не знамениты? имѣли они преславное мужество и дерзновеніе, мысль неодолимую, отсекали всякія страсти и привязанности, стояли выше естества, небрегли объ отрубленныхъ и отторженныхъ членахъ, и наконецъ презирали самую жизнь. Не менѣе просіяла и жизнь подвижниковъ—монаховъ; по тому что и здѣсь есть умерщвленіе плоти, отверженіе удовольствій тѣмъ, въ чомъ не нужно искать удовольствія, удаленіе отъ міра, приближеніе къ Богу, еще живя въ тѣлѣ, борьба съ прирожденными намъ слабостями и страстями, и съ тѣми, какія насылаются намъ отъ

внѣ, отъ духовъ лукавыхъ. Славны житія и тѣхъ, и другихъ; таковы они были, таковы, конечно, будутъ и впредь, хотя и не съясностию намъ вѣдомо воздаяніе имъ. Въ таинственныхъ книгахъ, которыя въ будущемъ воскресеніи прочтутъ ангелы, точно обозначены ихъ страданія и подвиги; а тѣ, кои прежде сего блаженнаго мужа, описывали дѣянія ихъ, не изобразили достойнымъ образомъ величія ихъ. Но частію и выдумывали коечто объ нихъ, частію же, не въ состояніи будучи слагать рѣчь, соотвѣтственную дѣламъ ихъ, слишкомъ просто и безъ похвалы описали доброе житіе ихъ, ни положивши доброй мысли въ основаніе своего писанія, ни украсивши его приличными словами и выраженіями; не обратили они вниманія ни на точное представленіе жестокости мучителей, ни на благородіе мучениковъ въ отвѣтахъ своихъ. Даже и подвижничество монаховъ они искажали, обдуманная дѣла ихъ выставя происходившими просто, и какъ случится, какъ бы безъ цѣли.

Отсюда происходило, что иные даже нетерпѣли и простаго чтенія письменныхъ памятниковъ, а для иныхъ сказанія ихъ служили поводомъ къ насмѣшкамъ. Отсутствіе изящества рѣчи, непослѣдовательность и нелѣпость мыслей, бѣдность выражений скорѣе отталкивали отъ содержанія, чѣмъ привлекали къ нему; изъ—за погрѣшностей писателей чудная борьба и побѣды слугъ христовыхъ у насъ выходили смѣшными представленіями (δυσωμοφῆτες). И почти всѣ явно порицали эти описанія; а составить вмѣсто ихъ лучшія не пришло въ голову однимъ по нерадѣнію, а другіе отказывались по трудности этого занятія, для окончанія коего не достало бы и всей жизни человѣческой; желавшимъ это сдѣлать не доставало силъ, а могшимъ—усердія и воли. Не такъ думалъ и поступилъ чудный Симеонъ: но когда, сначала соглашаясь съ ними даже до порицанія написаннаго, сталъ болѣе вникать, то съ юношескимъ жаромъ принялся за дѣло и благополучно выполнилъ трудъ, который никому не удавался, за который онъ сталъ знаменитѣе всѣхъ людей образованныхъ, и посвятилъ Богу то, что лучше всего. И мученическія страданія и подвиги, и воздержаніе и терпѣніе монаховъ онъ прекрасно изобразилъ и уяснилъ, и, показав-

ши къ нимъ столько усердія и влеченія, взаимно отъ всѣхъ стяжалъ благодарность.

И что бы можно сравнить съ подобнымъ трудомъ? Какія изслѣдованія о греч. древностяхъ, или объ обширныхъ пространствахъ вселенной? И съ описываемыми дѣлами какія знаменитыя происшествія въ исторіи персовъ, или древнѣе сихъ-вавилонянъ? а равно и послѣ-подвиги храбраго Александра Македонскаго? — потому что стараніемъ писателей и это все изображено выспреннымъ словомъ, красивымъ слогомъ и увлекательно. И уже потому одному, что въ этихъ сочиненіяхъ плавная рѣчь, многіе дорожатъ ими и читаютъ ихъ. А написанное симъ благороднымъ мужемъ съ приличнымъ украшеніемъ слова о мученикахъ и другихъ подвижникахъ вдвойнѣ заслуживаетъ вниманія — важно, и какъ образецъ слога, и какъ прекраснѣйшіе образцы жизни и нравовъ. Укажу и на третіе достоинство писаній его, то-есть, даже выше исторій мучениковъ и подвижниковъ написанныя имъ слова о святыхъ евангелистахъ, сложенные съ величайшимъ изяществомъ и высотой. Избраніе такого предмета для занятій свидѣтельствуетъ о разсудительности его; и употребленіе такихъ мнѣній, выводовъ и выраженій, которыя согласны съ истиною и вытекаютъ изъ самаго дѣла, также указываетъ на мудрость его. А особенно свидѣтельствуетъ о его мудрости умѣніе приспособиться ко времени описываемыхъ происшествій и войти въ довѣріе слушателей.

Но, говоря объ этомъ подробнѣе, долженъ сказать, что я не знаю, какъ творенія сего мужа не весьма изучаются ни тѣми, которые заботятся болѣе о краснорѣчій языка, ни тѣми, которые свое занятіе поставляютъ въ математикѣ, равно какъ и преданными изученію природы — потому что для нихъ не видно родовъ слова, ни ясно представлены фигуры рѣчи (*σχηματισμοί τῶν λόγων*), нѣтъ постановки и рѣшенія какого-нибудь вопроса о жизни природы, ни доказательствъ посредствомъ линій съ мудреными названіями, ни философскихъ мнѣній, въ которыхъ предметъ представляется съ высшей точки зрѣнія. Сверхъ мѣры преданные мудрости желалибъ, чтобъ все писалось для хвастовства и на показъ, а не для пользы и исправ-

ленія правовъ. Но я не говорю, что и писанія сего мужа не лишены ни одного изъ требуемыхъ ими принадлежностей сочиненія: только, поелику писалъ онъ не по тщеславію, то онъ и не часты, и не тотчасъ съ начала, и не вездѣ, и не во всѣхъ твореніяхъ; но когда самый предметъ давалъ поводъ къ тому, онъ, воспользовавшись требованіями и приемами рѣчи, возвращался опять къ предположенной цѣли. Потому что рѣчь его имѣетъ цѣлю не искусственное и площадное словоизвитіе, не хитрое представленіе обыденныхъ вещей, не теорію линій или глубочайшее разумѣніе чиселъ. Въ область занятій его не входили ни небесныя перемѣны, или какъ неподвижный (для глаза) міръ относится къ звѣздамъ блуждающимъ (планетамъ); не толковалъ онъ ни о согласныхъ, ни о полугласныхъ, ни о сочетаніи ихъ для благозвучія. Все это къ его предмету не относится, хотя и этимъ иногда пользовался въ приличныхъ мѣстахъ. За то онъ вездѣ держится истины и повѣствуетъ безъ примѣси лжи. Знакомъ онъ былъ со многими родами рѣчи, но пользовался тѣмъ, который пригоденъ былъ и для ученыхъ, и для необарзованныхъ слушателей. Тѣмъ и другимъ по этому правилу онъ: потому что плавностію и красотою рѣчи привлекалъ образованнаго слушателя и нѣкоторымъ образомъ услаждалъ его, доставлялъ ему удовольствіе; а ясностію и содержательностію рѣчи привлекалъ вниманіе и людей необразованныхъ. Тѣхъ и другихъ, опять, заохочивалъ и увлекалъ краткостію и убѣдительностію.

И я (чтобъ непоказался скрывающимъ правду), конечно, знаю, что есть многіе лучшіе роды рѣчи, — разумно сочиненія совершеннѣйшихъ ораторовъ, которыхъ нельзя ставить въ непремѣнный образецъ и примѣръ всѣмъ, по причинѣ превосходнаго благозвучія и плавности рѣчи: но никакъ недумаю и незнаю, чтобы кто-либо когда нибудь приспособилъ къ изложенію избраннаго имъ (Семеономъ) предмета форму рѣчи превосходнѣе. И хотя бы кто изъ людей, отличающихся слогомъ и выразительною мыслію, взялся за тотъ же предметъ и сдѣлалъ рѣчь болѣе обработанною. все-таки, по моему мнѣнію, его рѣчь еще не была бы такъ соотвѣтственна и удовлетворительна для слушателей. Уже и начальныя слова (*προοίμια*) его сочине-

ній тотчасъ касаются предмета, и дальнѣйшее продолженіе показываетъ цѣль сочиненія; а въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, послѣ общаго краткаго взгляда на предметъ, онъ раздѣляетъ его на части и приспособляется какъ къ лицамъ, такъ и къ обстоятельствамъ событій. Вездѣ одни и тѣже украшенія рѣчи и одно свойство выраженій (*φράσεις*), но приемы неодинаковы и разнообразны, можно бы сказать—искусственны, но такъ, что не искусство владѣть предметами, а съ предметомъ излагаемымъ соображается искусство. Обращая вниманіе на древнѣйшія сказанія, какъ на образцы, онъ неотступаетъ отъ нихъ, чтобы неказаться производящимъ что-то иное, и къ лежащему предъ нимъ образцу примѣняетъ образъ рѣчи, не переимчивая содержанія, а только исправляя погрѣбности извѣстій, и не вводилъ чего новаго въ мысли сочиненій, а только преобразовывалъ форму выраженія. При множествѣ и обилии предметовъ повѣствованія, при разнообразіи содержанія, рѣчь у него не спутывается, не въ безпорядкѣ: какъ наилучшій кормчій онъ, и при напорѣ волнъ, оставался покойнымъ и самымъ искуснымъ образомъ управлялъ рулемъ

Въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ онъ описываетъ и отечество (*πατρίδας*) восхваляемыхъ, съ показаніемъ особенностей его и характерныхъ принадлежностей; говоритъ нѣчто и о рѣкахъ, рассуждаетъ объ истокахъ ихъ, объ удобствахъ городовъ, о состояніяхъ климатическихъ и временахъ года, хотя люди съ нечуткимъ ухомъ и небразованнымъ слухомъ не обращаютъ на это вниманія. И въ сочиненіяхъ своихъ онъ разнообразенъ: индѣ рассуждаетъ съ живостію и горячестію, а въ другихъ мѣстахъ тихо и покойнѣе. А въ пріятности рассказовъ кого можно-бъ сравнить съ нимъ? Кто поспоритъ съ нимъ въ расположеніи и порядкѣ рѣчи? Кто—въ равномерномъ сочетаніи и плавности? —Желалъ бы и я сказать, что его рѣчь не величественна и не витіевата: но нахожу, что въ его писаніяхъ нѣтъ недостатка и въ этомъ; пот. что въ нѣкоторыхъ есть обиліе рѣчи, а въ большей части—есть важность сужденія и замѣтно остроуміе. Предположивши себѣ двѣ дороги—твердость мучениковъ и постоянство монаховъ въ подвижничествѣ, онъ течетъ по той и другой не съ быстротою ногъ, но съ

скоростью рѣчи; и особенно, пробѣгая поприще монашеское, онъ является нѣкоторымъ образомъ сильнѣе и крѣпче себя самаго. Истинно, приводитъ онъ въ упоеніе, когда его рѣчь востекаетъ на горы, или нисходитъ въ пещеры, или представляетъ подвижника подъ сосною или какимъ дубомъ, съ недорогою естественною пищею изъ растѣній и питьемъ изъ источниковъ. Такого рода рассказы онъ украшаетъ цвѣтистыми выраженіями и изящно вѣнчаетъ, можно сказать, розами и происходившее давно какъ бы нагляднымъ дѣлаетъ. Удивляюсь этому мужу за такую цвѣтистость и пріятность не менѣе, какъ и потому, что онъ хорошо воспользовался своимъ предметомъ. Потому что, хотя я пишу много и многихъ, но ихъ творенія незаслуживаютъ ни такой похвалы, ни подражанія. Людямъ ученымъ онѣ, можетъ быть, и покажутся достойными изученія и подражанія по причинѣ изящества выраженій и разнообразія фигуръ слова: а большинство пренебрежетъ ими, потому что не придаетъ важности спорнымъ вопросамъ и слишкомъ выпрененнымъ разсужденіямъ.

Говорятъ еще, что онъ не охотно принялся за это дѣло, ни самъ себѣ предположилъ сдѣлать столько, сколько достаетъ воли; но побудили его къ тому просьбы императора ²⁾ и тѣхъ, которые заботились объ ученіи и образованіи. Все ему было приготовлено: немалое число лицъ, которые прямо записывали устную диктовку его, и тѣхъ, которые занимались перепискою; и тѣ, и другіе работали въ одно время; кромѣ того были еще люди, которые разсматривали переписанное, чтобы то, что укрывалось отъ вниманія переписчиковъ, исправлять и давать ему надлежащій смыслъ, такъ какъ по причинѣ множества писаній самому Симеону нельзя было просматривать и перечитывать ихъ. Но хоть много было труда, много хлопотъ и заботъ: всходъ далеко превзошелъ ожиданія сѣявшаго и вышло такое обиліе жатвы, какого и донынѣ неимѣется. Посему, хотя бы ничего другаго не сдѣлалъ этотъ мужъ, если даже не брать въ расчетъ всего прочаго, что и по

²⁾ т. е. императора *Льва Философа* (886—912); трудъ... оконченъ уже въ старости, во время императора Романа 2-го (959—963). A Hat. de Simeonum scriptis, pag. 49.

одинокѣ доставляетъ ему похвалу — но уже одно то, что онъ взялся за такое дѣло и съ такимъ успѣхомъ совершилъ его, и безъ другаго всего достаточно къ прославленію его.

Я, впрочемъ, не хочу и сравнивать его труды съ писаніями внѣшнихъ мудрецовъ. Ибо что, если одни изъ нихъ составляли панаѳенейскія рѣчи (παναθηναϊκὰ³⁾), другіе великолѣпнымъ слогомъ описали борьбу пелопонезцевъ и аѳинянь?—иные писали въ защиту раторовъ, а тѣ противъ раторовъ? Конечно, въ нихъ есть обиліе красотъ рѣчи, но польза небольшая и ничтожная. Не хотѣлъ бы я къ нимъ приравнивать своего раторца; а еслибъ позволили мнѣ, то я назвалъ бы его достойнымъ стать близъ потрудившихся въ написаніи евангелія и изъясненіи глубокихъ тайнъ Слова. У кого цѣли одинаковы, у тѣхъ и начала сходны; и если у тѣхъ и у него цѣлю писаній есть спасеніе душъ, то почему бы и основанія не равны?—а лучше сказать, почему бы они не были участниками равнаго воздаянія? Какихъ вѣнцовъ и наградъ за мужество не удостоится сей чудный мръжъ?—а лучше сказать, какихъ не удостоился, когда пришолъ къ Богу и вступилъ въ лики тѣхъ, коихъ дѣла и жизнь описалъ? Потому что особенно при концѣ обнаружилъ, какую жизнь самъ велъ. Видѣвшіе говорятъ, что умиралъ онъ не въ слабости и безпокойствѣ, но какъ бы разрѣшаясь отъ узъ, съ свѣтлымъ лицомъ, ожидая руководителей ангеловъ и какъ бы передавая себя въ руки ихъ, чтобы скоро разлучиться съ тѣломъ.

И когда онъ умеръ, тотчасъ все вокругъ исполнилось благоуханія; и не тогда только, и не въ третій день, но и на многіе послѣдующіе дни, доколѣ онъ одинъ лежалъ во гробѣ. И это мѣсто, можетъ быть, постоянно издавало бы благовоніе, еслибы нѣкоторые, въ грубомъ неуваженіи, непомѣстили близъ него другаго трупа. Какъ только этотъ трупъ коснулся великаго мужа, тотчасъ остановился потокъ благовонія. Но это чудо, о лучшей и образованнѣй-

³⁾ Рѣчи, говоренныя публично, во время народныхъ собраній въ Аѳинахъ по случаю торжествъ.

щій изъ людей! весьма показываетъ твою чистоту и святость; потому что и безъ того у тебя довольно свидѣтельство о совершенствѣ добродѣтели.

Будь же милостивъ и ко мнѣ, если я не собралъ, какъ слѣдовало, всѣхъ чертъ твоего добродѣтельнаго житія, не изъ всѣхъ благъ твоихъ соплель вѣнецъ хвалы, и не положи на мнѣ гнѣва за ошибки и пропуски мои! Но милостиво вспомни о томъ, что я написалъ, если только это достойно чистѣйшихъ и святѣйшихъ душъ во Христѣ Иисусѣ, Господѣ Нашемъ, съ которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь и держава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

29 июля

1865.

Пер. Гер. Арс.

С Л О В О

въ недѣлю мясопустную.

Въ настоящій день Святая Церковь воспоминаетъ будущій страшный судъ Христовъ и тѣмъ видимо побуждаетъ насъ къ покаянію и сердечному сокрушенію о грѣхахъ; раскрывая предъ нами, въ Евангеліи, поразительную картину втораго пришествія Господня на землю, она хочетъ тѣмъ возбудить въ сердцахъ нашемъ чувство благоговѣйнаго страха и глубокаго умиленія. — Соображаясь съ намѣреніемъ и желаніемъ Св. Церкви, побесѣдуемъ, бр., о семъ страшномъ судѣ Христовомъ, въ душевную пользу и въ сердечное назиданіе наше! —

Нѣкогда, въ день, въ который мы и не чаемъ, въ часъ, въ который и не воображаемъ, откроется въ мірѣ семъ великое и страшное зрѣлище, какого ни прежде отъ начала міра не было, ни послѣ никогда не будетъ: вострубитъ надъ всею вселенною сильная труба Архангела и, по гласу ея, какъ мертвые возстанутъ изъ гробовъ своихъ, такъ и живые, въ мгновеніе ока, измѣнятся, и все соберутся отъ четырехъ концевъ земли предъ судилище

Христово; немедленно за трубою Архангела огненная рѣка обьметъ и освѣтитъ вселенную; тогда въ одно мгновеніе вся природа содрогнется, солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта своего, источники иссушатся, горы воздымятся; тогда столпы небесныя восколеблются, основанія земли потрясутся и всѣ силы небесныя подвижутся; не вообразимый страхъ и ужасъ овладѣютъ всѣми! Среди такого страшнаго и вмѣстѣ величественнаго зрѣлища отверзутся небеса, и съ силою великою, и славою многою явится Царь царствующихъ, истинный Сынъ Божій, *судити вселенный и воздати комуждо по дѣломъ его*, — явится подобно той страшной молніи, которая нисходитъ отъ востока и блистаетъ до запада; отъ страха и трепета предъ Нимъ небеса совьются яко свитокъ! Ахъ! страшень, бр., будетъ день тотъ! Кто не убоится и не вострепещетъ при томъ грозномъ и поразительномъ явленіи, когда небеса съ шумомъ, съ оглушительнымъ трескомъ прейдутъ, стихіи, раскалившись, растаютъ; земля и все на ней, какъ огненная лава, будетъ пламенѣть? (2 Петр. 3. 10.) Если теперь, при яркомъ сіяніи и осященіи молніи, при звучномъ раскатѣ грома, мы не вольно приходимъ въ ужасъ и часто падаемъ на землю: то какъ устоимъ тогда, при видѣ повсюду окружающаго насъ, ярко пламенѣющаго огненнаго потока и при гласѣ трубы, которая возгремитъ съ неба сильнѣе всякаго грома? Ангелы, не содѣлавшіе ни какого грѣха, по существу и по природѣ своей чистые и святые, помышляютъ о томъ днѣ со страхомъ и трепетомъ: какъ же намъ, грѣшникамъ, не бояться того страшнаго и по истинѣ необычайнаго дня! Но слушайте, бр., что будетъ далѣе! —

Когда, облеченный превышею славою и окруженный небеснымъ воинствомъ, Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, какъ Судія вселенной, возсядетъ на престолъ: въ одно мгновеніе всѣ праведники и

грѣшники, въ страхѣ и ужасѣ, предстанутъ предъ Него на судъ; тутъ же раскроются и тѣ страшныя книги, въ которыхъ записаны все наши дѣла, слова и помышленія; каждый изъ насъ увидитъ предъ собою все дѣла свои, какъ добрыя, такъ и злыя; ни какое праздное слово, сказанное нами теперь, — при жизни, не погибнетъ и само собою явится и предстанетъ тогда намъ; никакая сокровеннѣйшая мысль сердечная не избѣгнетъ и не сокроется тогда отъ насъ: все, что въ теченіе цѣлой жизни, мы дѣлали, говорили и помышляли, все это само собою предстанетъ тогда намъ и будетъ при насъ. И благо будетъ намъ, если все это обряцется предъ очами Божиими чисто и свято; но горе и тяжкое горе постигнетъ насъ, если все дѣла, слова и помышленія наши окажутся предъ Богомъ грѣховною нечистотою и мерзостію; стыдъ покроетъ преступныя ланиты наши, горестъ и скорбь уязвятъ сердца наши, когда все срамныя дѣла, все постыдныя страсти наши обнаружатся предъ несмѣтнымъ числомъ свидѣтелей, — предъ цѣлымъ свѣтомъ; но этого мало: подобно пастырю, Судія міра отдѣлитъ овецъ отъ козлищъ и всехъ праведниковъ поставитъ одесную Себе, а насъ — грѣшниковъ — какъ непотребныхъ козлищъ — ошуюю; потомъ, обратясь къ праведнымъ, въ награду за ихъ милосердіе, подвиги и добродѣтели, скажетъ имъ: *придите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царство Божіе отъ сложенія міра*; наконецъ, въ грозномъ видѣ речетъ и всемъ грѣшникамъ: *отыдите отъ Мене, проклятии въ оныи вѣчнныи, уготованныи диаволу и аггеломъ его!* О, какой страхъ, какой ужасъ нападеть тогда на всехъ грѣшниковъ! Напрасны будутъ въ то время все ихъ оправданія и извиненія. Тщетны останутся все ихъ желанія и ожиданія чужой помощи! Никто и ничто не поможетъ тогда имъ. Объятые мракомъ, тяжело восплачутся и возрыдають

они о томъ, что все время жизни своей провели въ безпечности и нерадѣннн о душѣ своей, въ безумномъ смѣхѣ и гнусномъ жестокосерднн: но этотъ плачь, но это рыданн уже ни сколько не облегчатъ тогда горькой доли ихъ. Праведный Суднн скажетъ имъ: «какъ вы другихъ не миловали, такъ и Я теперь не помилую васъ; какъ вы прежде не слушали гласа Моего, такъ и Я нынѣ не послушаю вашихъ рыданнн; какъ прежде вы постоянно, даже въ церкви, среди Богослуженнн смѣялись; такъ теперь плачьте и рыдайте. Вы не служили Мнѣ: алчущаго не напнтали, жаждущаго не напоили, нагаго не одѣли, болящаго не посѣтили, — вы работали и служили другому господину, — дннволу: посему отыдите отъ Мене, дѣлатели неправды!» Тогда съ невыразимою горестнн въ сердцѣ, съ тяжкими слезами на глазахъ, съ мрачнымъ уныннемъ и отчаяннемъ въ духѣ грѣшники *взыщутъ смерти, и не обратятъ ея; возжелаютъ умерети, и убѣжатъ отъ нихъ смерть;* (Апок. 2, 6.) тогда всѣ они пойдутъ на мѣсто мученнн, пойдутъ туда, гдѣ вѣчный плачь и скрежетъ зубомъ, гдѣ червь не умираетъ и огонь никогда не угасаетъ: *пойдутъ си въ муку вѣчную, а праведницы въ животъ вѣчный.* —

Видите, бр., какъ тяжекъ, какъ грозенъ и по истннн вѣ страшенъ для всѣхъ будетъ оннй послѣдннй день мнра! Начало его въ собственномъ смыслѣ страшно, продолженнн — еще страшнѣе, а конецъ превосходитъ всякое описаннн страха! Благочестивые и праведные мужнн съ горестнн и со слезами воспоминали объ ужасахъ онаго страшнаго дня и страхомъ его предостерегали и спасали себя отъ всякихъ грѣховныхъ искушеннн. Пророкъ Давидъ, помышляя о грозномъ днѣ страшнаго суда Божнн, всегда ощущалъ въ душѣ своей сильное смущеннн; каждую ночь омывалъ постель свою горькими слезами и, во умиленнн духа, молился Господу Богу: Господи! *не ниди*

въ судъ съ работъ Твоимъ, не требуй отъ меня отчета въ моей жизни: я не имѣю никакого оправданія предъ Тобою, а потому умоляю Твою благодать, — не вниди въ судъ съ работъ Твоимъ! Если же Святой и праведный Давидъ страшился онаго дня, молился о немъ и готовился къ отвѣту: то намъ ли не страшиться его, намъ ли не помышлять о немъ? рано или поздно, но непременно настанетъ для всѣхъ насъ грозный день и предъ очима нашими откроется страшное зрѣлище суда Божія. Содержа это постоянно въ памяти, будемъ, братіе, бдѣть и молиться; предваримъ наступленіе того страшнаго дня постомъ и слезами, покаяніемъ и исповѣданіемъ грѣховъ своихъ. Страшно впасть въ руки праведнаго Судии и Отмстителя нечестивымъ: будемъ изъ глубины души, день и ночь вопіять къ человеколюбивому Господу Богу, истинному Отцу кающихся, да сподобитъ Онъ насъ по милости Своей, христіанской кончины живота нашего и добраго отвѣта на страшномъ судищи Христовомъ.

Господи Боже! егда придеши на землю со славою, и трепещутъ всяческая; рѣка же огненная предъ судищемъ течетъ, книги разгибаются и тайная челоуковъ являються: тогда избави всѣхъ насъ отъ огня неугасимаго и сподоби насъ одесную Тебе стати, Судие праведныйи! Аминь.

Редакторы: Арх. Веніаминъ.

Прот. Ѡ. Никоновъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: протоіерей Скрибинъ и священникъ Волковъ. Воронежъ. Февраля 28-го дня, 1869 года. Въ типографіи В. Гольдштейна.